

А. КОПТЯЕВА

ПО СЛЕДАМ ЕРМАКА

А. КОПТЯЕВА

**ПО СЛЕДАМ
ЕРМАКА**

*Из дневника
писателя*

**СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
СВЕРДЛОВСК, 1972**

Поздняя была весна в Тюмени. Уже шла вторая половина июля, а хлеба стояли еще как густо-зеленая щетка озимых, набравших полную силу. Свежо голубело небо над полями, над шоссе, плоско лежавшем среди тучных черноземов.

Вот она — Сибирская изменчивость, дно великой нефтяной чаши! Но вышек здесь не видно. Это юг области — житница ее, издавна прославленная сибирской пшеницей.

Нефть шумит севернее — в Ханты-Мансийском округе, по берегам Оби. А еще севернее, к Ямалу и на северо-западе, где края изменчивости приподняты, открыты богатейшие залежи природного газа: Березово, Тазовское, Уренгой...

— Погода у нас очень изменчива, — сказали нам тюменцы, на которых впервые было устроено такое нашествие... писателей. — Природа нас не очень балует: зимой — морозы, летом — комары да болота. И наводнения... Нынче второе за три года. Заметало песком луга в поймах Оби и по Иртышу. Много скота погибло. Пришлось вывозить поголовье с животноводческих ферм в другие районы.

Тюмень — старый сибирский город на берегах Туры, притока Тобола, — бурно растет и в центре и на окраинах. Возле нашей скромно уютной гостиницы «Колос» на улице Мельникайте тоже зияют разрытые котлованы, из которых поднимаются, выпирают не по дням, а по часам кирпичные стены.

Этот веселый беспорядок радует: нефть и газ, открытые в Тюменской области поистине в баснословных количествах, рождают среди тайги новые поселки и города, вдохнули жизнь в глухие древние поселения. Одна мысль о том, что мы все это увидим, воодушевляет.

Наш писательский отряд из 48 человек прибыл сюда на декаду советской литературы. Мы будем выступать перед народом со своим творческим отчетом и в этом живом общении узнаем, в каких условиях живут и трудятся нефтяники Тюмени. Какие трудности они преодолели, что им еще предстоит преодолеть? И, конечно, каждый из нас надеется найти тему для очерка или стихотворения. А может быть, первая разведка увлечет и на большие повести. Все рождается в движении.

Тюменцы тоже приняли наш приезд всерьез. И на встрече в обкоме КПСС второй секретарь Геннадий Павлович Богомяков, кандидат геолого-минералогических наук и лауреат Ленинской премии 1970 года, с увлечением рассказал нам о делах области. Прежде всего о ее гордости — нефти и газе. Рост добычи неограниченный. Здесь можно — при полном обустройстве промыслов — добывать до 800 миллионов тонн нефти в год. Для срав-

нения скажем, что Татария с ее знаменитым Ромашкинским месторождением дает в этом году 100 миллионов, а Башкирия 47 миллионов тонн. Запасы газа в недрах Тюменского Севера — 15 триллионов кубометров, нефти — не один миллиард тонн.

Мы смотрели на секретаря обкома, русоволосого, чернобрового, геолога по профессии, по-настоящему влюбленного в свое дело, и думали:

«А ведь еще многое не разведано на этой необжитой территории с ее суровым климатом зимой, с непроходимо болотистой тайгой и тучами гнуса в летнее время».

— До 1964 года Госплан СССР сопротивлялся разработке наших месторождений: не верил в их перспективность в условиях удаленности от обжитых мест,— говорил Богомяков.— Но наши скважины дают в среднем 100 тонн нефти в сутки. Идет она главным образом самотеком, и хотя мы добываем самую дешевую нефть в стране, себестоимость ее все снижается. А в последние годы открыто такое месторождение нефти, как Самотлор, где средний суточный дебит на скважину около 500 тонн. Открыто месторождение газа в Уренгое — богатейшее в мире.

Рассказал нам секретарь обкома и о лесных богатствах Тюмени, о рыбе,— «которую мы еще не всю выловили и отравили»,— об осетрах и нельме, муксуне и сосьвинской селедке, единственной в мире, о подземном теплом море Западно-Сибирского бассейна.

Нас просто заворожил этот красивый человек, а когда он заговорил о людях, мы по-

няли, что труд тюменцев — настоящий подвиг. Кого ни возьми: разведчиков (геологов и геофизиков), строителей, лесорубов, дорожников — смелость и трудолюбие прежде всего, и выносливость, порою превышающая меру человеческих сил, и — как железный закон для каждого — забота о товарище. Запомнились нам имена первооткрывателей. И это сразу, после разговора в обкоме, привело меня к организатору тюменских разведок Юрию Георгиевичу Эрвье, начальнику главка Тюменьнефтегеологии.

Вот он сидит передо мною — лауреат Ленинской премии, человек-легенда здешних мест. Еще молодой в свои 62 года, но с щедрой проседью в вихрастых волосах, с цепким взглядом широких глаз. Высокий лоб, изборозженный волнистыми морщинами, послушными движению густых черных бровей, крупный с горбинкой нос и твердая линия рта — все говорит о волевом характере, и небольшая фигура Эрвье кажется очень значительной. Сразу видно — вдумчивый и в то же время решительный товарищ.

Я вцепилась в него, словно репей. Кто он родом? Откуда? Какими путями пришел на север? Как стал геологом?

Эрвье сам из породы пишущих людей (на прощание он подарил мне свою книгу «Сибирские горизонты») и мои расспросы, стремление вывернуть его наизнанку принял как должное. А когда стал вспоминать прошлое, то потеплел, мягкая лукавинка заблестела в темных глазах, и представился он моему воображению веселым озорником и забиякой.

— Нет, с девушками я был предупредителен, можно даже сказать, галантен.

Похоже и на это: дед и бабушка Эрвье приехали в Россию из Франции в 70-х годах прошлого века. Отец родился в России. Работал механиком. В семье кроме Юрия было еще четверо детей. Жили в Тбилиси, который стал второй родиной для французских выходцев. До 19 лет Юрий проработал на мыловаренном заводе подмастерьем у мыловара. Потом окончил рабфак и уехал в Среднюю Азию. На крыше вагона уехал. Любознательного и пылкого юношу влекли романтика, перемена мест и впечатлений.

— А может быть, бегство от несчастной любви?

Эрвье солнечно улыбается — все его лицо знойного, хотя и побеленного сединой южанина расцветает.

— Нет, не несчастная, а просто безответная, даже без объяснения с нею. Она училась в Тбилисской балетной школе вместе с Чебукиани. Мы, мальчишки, наблюдали в окна, как они выплясывали (школа была на улице, где мы жили). Детское увлечение.— Эрвье задумчиво шевелит черными бровищами, и легкая зыбь пробегает по морщинам лба, а губы улыбаются чуть грустно и примиренно.— Были в какой-то мере друзья. Потом она уехала в Ленинград и там вышла замуж.

— Что же вы делали в Средней Азии?

— Работал в Ургенче, это в Узбекистане, грузчиком на хлопкоочистительном заводе...

— А геология?

— Это привлекало меня с детства. Мальчиком лазал по горам вокруг Тбилиси. Туризма еще не было, просто ходил, потом еще и охотился, но всегда собирал камни. У нас было озерко Лиси (теперь там лодочная станция), я на этом озере пропадал каждый свободный час. Находил такие ракушки-черепки, окаменелое дерево. Все тащил домой. Смотрел, думал, как горы построены. И вот после Ургенча поехал в Ленинград: хотел поступить в горный институт. Но был ноябрь месяц, прием уже закончился...

Я смотрю на Эрвье и вижу, как стройный, чернобровый юноша, странно сочетающий в себе серьезную вдумчивость и резвость озорника, бродит по туманному Ленинграду под мокрыми хлопьями снега, ищет встречи с нею — золотым лучом своей юности.

— Мне все-таки повезло, я встретил...— Эрвье искоса взглядывает на меня, и в уголках его глаз и губ вспыхивает уже знакомая мне ласково-озорная и чуточку печальная усмешка.— Встретил прораба газовой партии из Мелитополя и, подружась с ним, поехал туда рабочим. Эта разведочная партия газ искала. С тех пор — все!

Я ощущаю истовость этого восклицания как сделанное человеком открытие своего призвания.

— А те разведки что дали?

— Так, небольшой газочек...

И опять слова геолога выдают на-гора его глубинную духовную приверженность. Газочек, а значит, и нефточка, как говаривали обожженные ветрами и морозами буровики Татарии.

— Так и началась она, кочевая жизнь разведчика, и даже женитьба (жена работала в геологической партии коллектором) не принесла оседлости. Искали нефть, бурый уголь и руду в Кривом Роге, Кировограде и даже в Кременчуге.

В 1932—1933 годах Эрвье с отличием закончил высшие инженерные курсы, получив диплом инженера-геологоразведчика. И снова поиски нефти и газа на юге страны. Но произошел конфликт с главным инженером треста...

— Первый мой деловой конфликт. Я — прямой, а мы не сошлись взглядами на разведку, на методику работы. Характеры у обоих оказались непримиримыми, но бороться с ним было трудно: он занимал пост выше. И я ушел. Несколько лет работал в коммунальном тресте: искали воду в Одессе, Николаеве, Тирасполе. Бурили артезианские колодцы, которые потом, во время войны, оченьгодились, когда немцы захватили Беляевский водопровод. Я эвакуировал сынишку и жену, а сам отказался от брони и пошел в отдельный отряд глубокого бурения южного фронта. Носили мы форму как гидросаперы, бурили скважины и раздавали воду по карточкам — полведра на человека. После отступления из Одессы я стал командиром этого отряда.

— Я не знала, что в армии были буровики...

— Ну, как же! Представьте себе обстановку, когда немцы прорвались к Моздоку, а мы отступили в Туапсе... Под Моздоком воды не было. Кто имел воду — держал фронт. Тут

мы возили ее на передовые со своих артезианских скважин в резиновых баках. Потом наша армия пошла в наступление, и я командовал саперным батальоном. В конце 1944 года меня демобилизовали: получил назначение начальником геологической экспедиции в Молдавии. Условия там со здешними, конечно, не сравнить. Климат мягкий, масса фруктов. Всюду жилье. Дороги... Да что говорить! Разве нам, разведчикам, это главное!? Вышло постановление Совмина о развитии работ на нефть и газ в Сибири, и я поехал в Тюмень. Тут был уже трест «Тюменьнефтегеология», но нефть искали в районе Челябинска: считали, что там, в обжитых районах, больше перспектив. Три года и я там искал. Нефть была, но маленькая. В 1955 году меня назначили сюда главным инженером Тюменского треста, а еще через год, когда начальник треста пошел на пенсию, мне пришлось возглавить всю организацию разведок в Тюмени. Теперь уже совсем прижился тут. Старший сын, тоже геолог, работает в Томске. И дочь — геолог, а младший сын бурит в Горноправдинске.

— С какими трудностями вам пришлось здесь столкнуться?

— Тут были сплошные трудности. Но главной было неверие некоторых руководителей в Госплане и в министерстве в перспективы тюменских поисков. Упирали и на то, что в случае открытий добыча нефти в здешней болотистой тайге, страшно удаленной от жилых мест, будет слишком дорогой. Но она оказалась несравненно дешевле, чем в обжитых местах, потому что месторождения бога-

тые и нефть отличная: чистая, малосернистая. Ни одна почти скважина не имеет насоса — все фонтанируют.

— Воду для поддержания пластового давления закачиваете?

— Очень широко идет закачка.

— А как здесь справляются с попутным газом? Собирают?

Эрвье вздыхает. Между бровями его ложится глубокая складка.

— До сих пор не справились. Факелы горят у всех действующих скважин.

— Кого из людей было бы интересно там встретить?

Эрвье сразу оживляется:

— Если попадете в Горноправдинск, то поговорите с Фарманом Салмановым — начальником геологической экспедиции. Он — Герой Труда, один из первооткрывателей обской нефти. И вообще... — веселая улыбка досказывает остальное. Видно, Фарман очень симпатичный и огневой, жизнерадостный человек.

— А в Нефтеюганске спросите Галяна, тоже начальника экспедиции. Он украинец. И еще надо бы поговорить вам с буровым мастером Мелик-Карамовым. Отличный бурмастер! В Мегионе — главный инженер Каталкии, скромный, но с хорошим взглядом на дело, очень энергичный. И еще начальник экспедиции Абазаров — открыватель Самоглора, лауреат Ленинской премии. Этот из Краснодара. Очень колоритный. А в Сургуте молодой геолог Евграф Тепляков...

Нефтеюганск, Мегион, Самоглор, Сургут... Да ведь это все в Ханты-Мансийском округе.

Какая необъятная земля лежит перед нами! Вот мы прилетели в Тюмень — «ворота в Сибирь» — за два с половиной часа, покрыв расстояние, которое первые сибирские землепроходцы, ссыльные и переселенцы одолевали месяцами, может быть, годами... Сюда из Чусовских городков с боями пришла четыре века назад дружина Ермака, разбила войско князя Епанчи и 1 августа 1581 года заняла Чанги-Туру — крепостцу татарского ханства, где через пять лет была основана нынешняя Тюмень.

Из Чинги-Туры Ермак Тимофеевич с боями проплыл по Туре и Тоболу и стал лагерем на устье Тобола в Атинском городке — предтече Тобольска. Ему и не снилось тогда, что, по существу дела, он явился самым первым открывателем сибирской нефти. Простой русский казак, наверное, малограмотный, коренастый крепыш с упрямо-смелым взглядом, он, после трехдневной битвы под Искером на Иртыше — центром Кучумова царства (верст на пятнадцать выше устья Тобола) — разгромил татар и занял Искер. Но татары покорились не сразу, и через три года в одной из стычек возле устья реки Вагай Ермак погиб, утонув. Наверное, не только тяжелая кольчуга была тому виной, но и прижимное течение у подмывных берегов яра, который теперь называется Ермаковским, где Иртыш изгибается громадной стальной подковой.

Нам, как и Ермаку, предстоит путь из Тюмени в Тобольск, но не по реке Туре — 185 километров, да еще 440 километров по Тоболу до устья его на Иртыше, и не на воз-

Душном корабле — немислимой мечте пешего казачьего воинства, а — поднимай выше! — по железной дороге.

Я давно уже за недостатком времени отказалась начисто от железнодорожного транспорта. Но в поезд дороги, как стрела уходящей на север от Тюмени, дороги, ведущей через Тобольск на Сургут, еще не законченной, но уже давшей второе дыхание «стольному граду Сибири», в этот поезд я сяду с великой охотой и душевным трепетом.

Но прежде, после торжественного открытия декады в Тюмени и выступлений на заводах, мы побывали в Ялуторовске, бывшем уездном городе, где жили декабристы и где находится единственный в стране Музей декабристов.

22 июля в жаркий день (погоду мы с собой захватили московскую) наша большая бригада выехала в Ялуторовск на легковых машинах и автобусах. Мелькают по сторонам шоссе чудесные березовые рощи, сосняки, изумрудно-зеленые поля. Вдруг в просветах среди лесов — на равнине разливы громадных озер.

И вот он, Ялуторовск, бывший когда-то острогом, остерегавшим Тюмень от татарских набегов. Деревянные дома, длинные заборы по-сибирски просторных оград. Гордость ялуторовцев — молочно-консервный комбинат, один из крупнейших в стране. После осмотра его отлично оборудованных цехов мы с удовольствием не то что попробовали выпускаемую продукцию, а, присев у длинных столов, по-настоящему воздали должное необычно-

венным по вкусу свежим и нежным сыркам, кефирам и мороженому. Нашлись охотники и до сухого масла и молока в порошке.

Поговорив с рабочими, мы снова прошли по высоким, светлым цехам и поехали в Музей декабристов. Он помещается в одноэтажном деревянном доме, обшитом потемневшим от времени тесом, где с 1838 по 1856 год жил Матвей Иванович Муравьев-Апостол.

Странно и хорошо было смотреть на этот дом, где протекала жизнь ссыльных дворян-революционеров. Как ходили Муравьев-Апостол и его друзья по этой немощеной, наверное, зеленой улице с березками в палисадниках, с тучами надоедливых комаров? Как смотрели их жены, привыкшие к столичным выездам, балам, нарядам, в низенькие окна с деревянными ставнями? Все проходит, но имена героев навсегда остаются в сердцах народа.

С невольным волнением мы входили на скромную веранду, пристроенную Муравьевым-Апостолом после покупки дома, где он сначала жил на квартире.

У порога нас встретил бывший майор с четырьмя рядами орденских колодок. Это был директор музея Николай Васильевич Зубарев, местный уроженец, громкоголосый, огромного роста, длиннорукий и длинноногий человек. Блестя глубоко сидевшими, ярко-черными глазами и точно лакированными густо лежавшими волосами, разордевшись всем смуглым пригожим лицом, он азартно и влюбленно, будто о своих лучших знакомых, рассказывал о Матвее Ивановиче и его друзьях, водил нас по комнатам, гордо хвалился

экспонатами, которым позавидовал бы любой столичный исторический музей.

Ялуторовск был местом ссылки для декабристов, народовольцев, большевиков. Много замечательных людей России прошли по таежному тракту, громяхая кандалами. Тайга безлюдная, на тысячи верст окрест, была для них самой строгой тюрьмой: сторожила зимой лютыми морозами, глубокими снегами, летом — болотами и тучами комаров да липкой, тоже кусачей мошкаррой, которую народ наименовал коротко и метко — «гнус». Но, попривыкнув к жизни в отдаленных краях, ссыльные убедились, что Сибирь не так уж сурова: она баловала их рыбой, ею искони славились здешние реки, дичью пернатой, пушным зверем, кедровыми орехами, ягодами, грибами. Возникли добрые отношения с местными жителями.

Не имея надежды вырваться отсюда, Матвей Иванович написал письмо к потомкам — «будущим археологам для пользы и удовольствия», — и оно, запечатанное в кургузой бутылке с длинным, как у гуся, горлом, девяносто три года пролежало под печью. В 1948 году во время ремонта дома, когда вынимали толстую плаху под полом, нашли это письмо, поехали с ним в Москву и после того решили открыть в Ялуторовске краеведческий музей памяти декабристов.

Осматриваем гостиную, обставленную мебелью карельской березы: диван, кресло, стол с чернильным прибором и гусиными перьями — личные вещи Муравьева-Апостола. На камине — часы, принадлежавшие ему. И картины именные: декабристы в Ялуторов-

ске, дом Пашкова — гравюра столетней давности. Люстра со свечами — тоже того времени, как и маленький черный клавесин с двумя подсвечниками. В доме всегда шумела молодежь: у Матвея Ивановича было четыре сына и шесть дочерей. В кабинете в старинных шкафах хранятся семьсот книг с автографами Муравьева-Апостола, и, конечно, досадно было очень, что мы не смогли за недостатком времени хотя бы полистать их.

Девять человек с Сенатской площади отбывали ссылку в Ялуторовске, не теряя духовной связи с центром. Тринадцать лет прожил Иван Иванович Пущин, получив здесь более пятисот писем. Иван Дмитриевич Якушкин (домик которого перенесен теперь во двор муравьевского дома, где строится новое каменное здание для музея) умудрялся получать через почтмейстера даже «Колокол» Герцена!

Декабристы многому научили местных жителей. Устроили им парк, громадные березы которого сохранились до сих пор, окруженные молодой порослью. Василий Карлович Тизенгаузен, проведенный в Ялуторовске двадцать три года, первым посадил здесь саженцы яблонь, Муравьев-Апостол разводил картофель, а Иван Дмитриевич Якушкин открыл первую в России школу для девушек.

— Пять районов нынешней области входили в Ялуторовский уезд и два Курганских, включая и город Курган, — торжествующе гремел Зубарев, перед которым сразу померкли наши красавцы писатели, даже Сергей Сергеевич Смирнов и Павел Нилин вроде приземлились.

— Жил здесь и Евгений Петрович Оболенский, бывший адъютант командующего всей пехотой России, и Николай Басаргин, который женился на старшей сестре Менделеева — уроженца Тобольска, — с увлечением говорил директор музея, и мы, понимая его радостную гордость, от души разделяли ее.

В тот же день мы отправились на рыбалку, на озеро Сингуль, неподалеку от Ялуторовска. Надобно сказать, что рыбу мы ловили... ложками в столовой замечательного пионерского лагеря, на огромной веранде, затененной зелеными завесами, сделанными ребятами из березовых листьев. Ярко запомнились эти необычные, качающиеся на ветру длинные гирлянды. Поразительна, особенно при вечерней заре, красота широко и далеко расхлестнувшегося водного зеркала. Сингуль по-татарски — глубокое. У этого озера двойное дно: сверху светлая вода метров семь глубиною, потом во всю громаду лежа подстилки из торфа и водорослей, а под ними опять вода метров на пять и уже настоящее дно. В общем, хитрая ловушка для аквалангистов! Водится здесь во множестве небольшой, но очень вкусный золотистый карась.

На другой день мы выехали из Тюмени в Тобольск. Поезд шел медленно, как бы ощупывая новый путь, часто останавливался ни с того ни с сего среди дремучей тайги или болота, расцветенного по залитым местам яркими красками игравшего в небе заката. Мы радовались, как дети, этой необычной поездке: освоению впервые проложенной дороги, красной полосе зари в плоских берегах таежной речки, вдруг раздвигавшей черный

лес, мохнатуму кедрачу, взметнувшему в синее небо свои издалека приметные макушки, белокорым и в сумраке березам.

Ночь стояла прозрачно-бледная, напоминающая о близости Севера, да и месяц светил, прячась за вершины деревьев. А к утру по дикой тайге поползли над болотами, над мокрыми лугами холодные белесые туманы, за клубились среди островерхих ельников. Стало зябко и неудобно в вагоне. Сквозь запотевшие стекла окон уже по-иному, пугающе, глянула серая ночь. Представились бездонные топи, безлюдные дали, колдовские лешачьи урочища, грозящие гибелью одинокому человеку.

Но утро приветствовало нас на берегу Иртыша теплом и солнцем, разогнав невольное навевную ночную жуть. А длинный ажурный мост — подарок Тобольску от тюменских строителей, приняв поезд в свои стальные объятия, напомнил о том, что дружный труд людей все может превозмочь.

Проехали Сузгун, где, по преданию, бросилась с обрыва в Иртыш одна из жен Кучума красавица Сузги, когда казаки Ермака вступили на ханский двор. Щедро, смачно зеленеют тут могучие кедры и ели, согретыые солнцем, не так уже сердито щетинятся вдоль берегового ущелья. А навстречу с горы выбегают деревянные затейливые домики старинной постройки.

Вот он — Тобольск, бывший стольный град Сибири! Герб его — два соболя, стоящие на задних лапах, и стрела между ними — был и гербом сибирским, а воеводы правили землями вплоть до Якутска и пограничной чер-

ты по Амуру, включая берега Тихого океана. Вся пушнина, собираемая на гигантской территории, как ясак с покоренных племен, шла в Москву через Тобольск.

В октябре 1712 года сюда прибыл уже не воевода, а губернатор — князь Матвей Гагарин, которого называли Сибирским Меньшиковым. При нем на высоченной круче иртышского берега было закончено в Тобольске строительство прекрасного белокаменного Кремля.

Отсюда, с этой кручи, виден вверх по Иртышу тот Подчувашский мыс, где Ермак разбил войско Кучума, видны устье Тобола и все далекое низменное заречье, тонущее в голубой дымке. Иртыш идет внизу сплошной, широченный, как у Гоголя — «не зашелочнет, не загремит». Могуче-полноводный, он еще намного превышает межень после недавнего бурного половодья, причинившего немало бед. Природа здесь — сила. И люди тоже. Много славных сынов породил Тобольск: здесь родились и поэт Ершов, и знаменитый химик Менделеев, и художник Перов, и композитор Алябьев.

Побывав в первом театре Сибири — деревянном причудливой архитектуры здании девятнадцатого века, где так и представляется на каждом шагу Онегин и Татьяна Ларина, мы едем на городское кладбище. Оно называется Завальным — значит, находилось когда-то за крепостным валом. Ему двести лет, тут все дышит величавым покоем: колоссальные березы, кедры и тополя, не тесня друг друга, высоко вздымают отяжелевшие кроны над старыми могилами, заросшими пышными, не-

тронутыми-чистыми травами, над крестами и памятниками. Солнце свободно гуляет по могучим стволам. Хорошо тут отдыхать после щедрой на горести жизни!

Среди буйной зелени возле ярко-белой церкви «Семи отроков», под развесистым тополем две прямоугольные черные глыбы — саркофаги. Это могила Вильгельма Кюхельбекера, умершего в 1846 году, и похороненного годом раньше декабриста князя Александра Барятинского, друга Павла Пестеля, повешенного царем в Петербурге.

Кюхля! Стоим, словно оглушенные внезапным взрывом чувств, мыслей, волнующих представлений. Кипучая в своем росте Тюмень. Разбуженный после застоя Тобольск. Первый гудок поезда на Иртыше. Наступление на Север могучей индустрии. А перед нами могила любимого товарища Пушкина...

Здесь, под этим тополем, приехав на поселение из Иркутска, уже совсем больной и слепой, стоял Кюхельбекер и плакал, слушая, как читали ему надпись на могиле Барятинского: «Друзья и товарищи изгнания проводили его тело до дверей вечности и вручили его душу вечной благодати искупителя».

Вспоминаю ночную таежную жуть, и сразу представляется, каким холодом обдавала она изгнанников русской столицы, ступавших впервые по сибирской земле. Предчувствовали ли они, что их жизнь не пропадет даром, что их следы здесь никогда не сотрутся?!

Барятинский и Кюхля. А неподалеку, между кустами желтой акации,— могилы Ершова, автора неумирающей сказки о Конь-

ке-горбунке и поэта-революционера Гаврилы Батенькова, уроженца Тобольска, пробывшего в дальней ссылке 10 лет. Здесь же, на Завальном кладбище, похоронены Александр Михайлович Муравьев и выдающийся украинский писатель-революционер Павло Грабовский. Глубокий подтекст чувствуется в надписи на высоком чугунном пьедестале надгробия Муравьева: «...сам спаситель в общее восстание воскресит твой прах». Эта вера оправдана, только не спаситель, а благодарный народ воскресил и утвердил память о героях.

Великой славой с древних времен овеян город Ермака. А заглох он потому, что в 1885 году была оборвана в Тюмени ветка железной дороги. Царское правительство не хотело разрушать свою таежную тюрьму, куда ссыльные могли следовать лишь гужевым да пешим этапом.

Так явились декабристы, так прошли потом народовольцы, и Достоевский, и Короленко, и большевики-ленинцы. Пол-России можно было выслать сюда! Но ее стремились просто обезглавить, высылая революционеров в отдаленные места.

Может быть, от этих мыслей самое большое впечатление произвели на меня в Тобольском музее не отличный отдел этнографии с массой предметов домашнего обихода северных племен земли Югорской, как раньше называлось Приобье, не чудные вышивки на одежде и жертвенных покрывалах ханты и манси, не «стоимость топора» — пучки шкурок белки, горносталя, норки, продетых через втулку железного колуна — нет, будто обо-

жгли клейма, которыми метили арестантов. Большие буквы-трафареты, выведенные тремя рядами толстых коротких иголок: «Б» — бродяга, «А» — арестант, «В» — вор, «С. К.» — ссыльно-каторжный. Раскаливали эти клейма до белого каления, обмакивали в краску и припечатывали с маху на тело осужденного. Тут же плеть с железным кольцом на конце и копия колокола, сосланного сюда из Углича по приказу Бориса Годунова в 1591 году за то, что в него били в набат после убийства царевича Дмитрия. Колоколу оторвали язык и ухо, потом его били плетьюми, как живого человека, и отправили в Тобольск. Обрато в Углич его возвратили через триста лет.

А в 1917 году по путям-дорогам, проторенным первопроходцами Сибири, переселенцами и ссыльно-каторжными, в Тобольск пожаловал развенчанный русский царь Николай Второй. Здесь он жил со своей семьей, прогуливался под охраной по улице бывшей столицы Сибири, молился в небольшой часовне, окруженной деревьями. Позднее его увезли в Екатеринбург.

Встречу писателей с тоболяками устроили во дворе кремля, густо заросшем изумрудно-зеленой травкой.

Чудесный солнечный день уже клонился к вечеру, в небе ни облачка. Ярко белели на синеве неба круглые башни, мощные стены и высокая колокольня собора Софии.

На просторном ковре природного газона среди белизны замкнутых мощных стен стояли тысячи тоболяков, празднично оживленных. Особенно врезалась в память совсем юная розовощекая девушка с роскошной ко-

сой, светящейся на солнце сплошным потоком золотых искр. Только бы парчовый сарафан на нее да кокошник... Ребятишки, как водится, набились в передние ряды у трибуны, покрытой коврами.

Стоило посмотреть, как слушали приезжих писателей, как смеялись, рукоплескали, сколько книг и открыток передавали для получения автографов, чтобы убедиться в любви к советской литературе, в необходимости таких встреч.

А я страшно волновалась, ожидая своего выступления. Мне хотелось передать привет этим людям, сказать, что одной половиной своего существа я сродни им, потому что мой отец мещанин Дмитрий Степанович Коптяев пришел на Дальний Восток отсюда, из Тобольска и, когда я была маленькая, меня называли дома «упрямой белоглазой тоболячкой». Однако о моем творчестве неожиданно очень тепло высказался Григорий Коновалов, а так как нас приехало около сорока человек, то повторяться было невозможно.

Но когда мы сходили с трибуны, пожилая, просто одетая женщина пробралась ко мне сквозь толпу и сказала со слезами в голосе:

— Что же вы не выступили? Я пришла... Я так ждала. Я ведь прочитала все ваши книги.— И резко, даже гневно повернувшись, пошла обратно.

Я хотела пойти за ней, расспросить, что у нее... Но наш заботник из бюро пропаганды, вездесущий Дмитрий Ефимович Ляшкевич был уже начеку и, подхватив меня под руку, сильный, как трактор, потащил к выходу. Времени не было. Под берегом Иртыша нас

уже ожидал теплоход «Ленинский комсомол», на котором мы должны были плыть в Ханты-Мансийский округ — центр добычи тюменской нефти. Другая группа улетала в Салехард и Уренгой, третья — в Березово, где шумел газ, а четвертая прямо из Тюмени уже ехала на машинах к хлеботорам южных районов области.

Синим вечером наш теплоход отвалил от берега и вышел на вольный простор Иртыша. Мы стояли на верхней палубе, смотрели на удаляющуюся кручу, увенчанную белой шапкой кремля, а в душе у меня саднила невысказанная печаль — волнующее предчувствие необходимости новой встречи с Тобольском.

Смотрела на берега и думала: здесь лет сто назад родился мой отец.. У нас в семье никогда не говорили о нем: мать была сурово сдержанной в выражении своих чувств, а мы его не помнили... Что погнало его отсюда на амурские земли? Нужда? Избыток молодых сил? Жажда разбогатеть на золотых приисках? Словно наяву вижу в надвигающихся сумерках на древних улицах Тобольска, на пристанях его — веселого, крепкого, сероглазого сибиряка. Но как он ходил? Как говорил? Когда, с какою «ватагой» и каким путем прошел в верховья Амура, куда отовсюду пробирался сильный и смелый народ?

Что такое чувство родства? Отчего эта щемящая сердце печаль, ведь я совсем случайно попала в Тобольск...

Падает навстречу новый ажурный мост через Иртыш, созданный благодаря нефти, движутся лесистые берега: пойменный — слева, круто-обрывистый — справа. Броса-

лась ли в Иртыш красавица Сузги? Может быть, сказка?

Но отец мой, которого я видела только в младенчестве, и трагическая смерть его, которую он нашел вместо богатства на месте, где теперь будет дно Зейского моря — это был. И как бы мне хотелось теперь хоть что-нибудь узнать о нем, хотя бы год его рождения, канувший в глубину столетия.

Сейчас на палубе только вольный таежный ветер да я с грузом воспоминаний шестидесятилетнего человека, совсем не чувствующего своей старости, но поневоле ворочающего глыбами, горами временных наслоений.

Что там было в прошлом? Моя мать работала горничной у богачей Ворошиловых, живших на Зее-пристани, когда прошел слух, что у золотопромышленника Коптяева на прииске Полуденном зверски убиты беременная жена и малолетний сын. Смешливая в юности мать, услышав об этом в людской, отчего-то начала смеяться нервно, бурно.

— Как тебе не грех, Настенка! — прикрикнула на нее старшая прислуга.

А потом Настенку увидел овдовевший Коптяев... Она пошла за него на троих осиротевших детей, и он увез ее с сестрой-подростком Анной в верховья Зеи, на тот Полуденный прииск, в тот дом, где были убиты его первая жена и сын.

— Вот натерпелись мы там страху, когда уезжал отец, — рассказывала мне однажды старушка-тетка. — В доме все было некрашеное и сколько ни мыли, ни скоблили, а на полу в передней проступали кровавые пятна,

и на ставне, которыми закрывали лаз в кузню, и на скобке двери, и на самой двери тоже... Видно, убили-то Анну Ефимовну не сразу — пытали насчет золота. На глазах у ребятишек творилось такое. Старшенький Миша подбежал, и его тут же убили. После мы переехали на соседний прииск Южный, где ты родилась. Прииски-то по сравнению с нынешними были — звание одно. Рядом в тайге ворошились мелкие артельки старателей. Рыли ямы, лотками мыли. А мы на стану жили. Дом на четыре комнаты с открытой верандой, кухня в стороне стояла под сопочкой — бегали туда по деревянному настилу. Стайка там, конюшня — все в пристройку, качели для ребят под навесом. Да еще барачек, где жила семья рабочих. Вот и весь поселок. Был еще амбар (без окон), прирубленный к дому под одной крышей. Из этого амбара отец отпускал рабочим продукты, в нем его и убили.

Он работал до этого служащим в Верхне-Амурской компании, а после стал арендовать богом проклятые эти прииски. И как раз в тот год, когда ему на прииске Воскресенском попало богатое золотишко, случилась беда.

Характером он был веселый, гостей любил. Другой раз приедет один — мать была домоседкой — заведет граммофон:

— Ну, Нюрча, давай плясать.

Пляшем. У меня коса тяжелая, как овсяный сноп, мешала плясать, я ее оберну вокруг шеи, за пояс заткну, и прыгаю, а он чечетку рядом бьет и все покрикивает:

— Больше жару, Нюрча!

Мать с книжкой сидит — она читать хорошо умела, — на нас смотрит, как на маленьких, да смеется. Но боялась она и на Южном и все просила Дмитрия:

— Уедем отсюда. Убьют нас здесь.

Дмитрий Степанович говорил:

— Я один с десятком справлюсь. А ты ночи не бойся — дня бойся.

Они и явились днем, три китайца-хунхуза, а он пошел с имя в амбар — попросили продать крупы да лапши. А кроме него и матери, которая шила на веранде детское бельишко, из взрослых на стану никого не было (я в ту пору уже замуж вышла). Вы играли у кухни под навесом. И вдруг отец крикнул:

— Настя, спасайся!

Она побежала, но не прятаться, а к нему, и тогда китаец, стоявший возле на страже, рубанул ей топором спину, а когда она повернула в сторону, к детям, он ударил ее обухом по голове, и она упала среди двора. Старшие сестренки, которые видели смерть родной матери, ударились бежать за рабочий барак, за стог сена, по мосту через ключ в пади, на дорогу к Дамбукинскому тракту и вас с собой утащили.

Ночью наехал народ, который дети всполошили, встретив на дороге возчиков. Отец лежал в амбаре мертвый. На нем было до двадцати ножевых ран — сопротивлялся шибко. А мать очнулась и уползла в тайгу. Ее искали. Она слышала голоса, видела свет фонарей, но отозваться боялась — думала, что это разбойники. Видать, ей казалось, что у нее разрублена голова, и она сняла с себя байковую юбку, разорвала (вот какая силища

у нее была!), завязала себе голову, забилась в чащу, легла на спину в мокрый мох у ключа. Мы на этот ключ всегда за ягодой-моховой бегали. Вроде крыжовника ягода: зеленая, сладкая, только кусточки, как травка, так и стелются в сырых местах, где тень густая...

Только на другой день принесли мать домой, а она сказала:

— Хочу видеть Дмитрия!

Взяли под руки, повели. Распахнули дверь в амбар, Настя глянула и повалилась без памяти.

Лежал он в амбаре, где все было ухлестано кровью, несколько дней, пока не приехали следователи и полицейское начальство. За это время успел навеститься к сестре фельдшер, наложил швы на рану, которая была в целую ладонь. Ничего не стерилизовали, не кипятили, вокруг ходили мужики в сапогах и грязных телогрейках. Ваше сиротское счастье, что мать выдюжила. Хватила она потом горя с вами, но все-таки всех вырастила.

Конечно, нам посчастливилось! Но когда я вспоминаю о смерти отца, сразу представляется мне жестокий закон тайги того времени. Дома в семье отец был хорош. И еще не успел он стать тем хищником, какими, по существу, являлись золотопромышленники, сплошь да рядом сколачивавшие себе капитал обманом и беспощадной эксплуатацией горнорабочих.

То, что не успел,— к лучшему. Но сама эта напрасно пролитая кровь (обычное явление в старой тайге), дважды запятнавшая наше детство, вместе с великим множеством

других убийств, накладывает страшный отпечаток на прошлое, когда шло освоение богатств Дальневосточного края. Кровью и слезами омывались они.

Стоило прожить долгую трудную жизнь только ради того, чтобы увидеть, как осваиваются такие богатства в советское время. Давайте припомним освоение Алдана (после трех лет бешеной золотой лихорадки), золото Колымы, Чукотки, Кара-Кумов, сказочные месторождения алмазов Якутии, нефть Башкирии и вот теперь — Тюмень.

Не слезы, а радость и свет приносят они людям, потому что перестали быть объектом личной наживы, и в самых глухих дебрях, где происходят открытия, возникает кипучая веселая жизнь.

Двадцать четвертого июля, в жаркий солнечный день наш теплоход причалил к гористому берегу Иртыша. Направо от взвоза, на желто-глинистом обрыве лежат вповалку деревья, вывернутые с корнем не то ветром, не то оползнем. Слева, на низкой береговой террасе, деревянные склады и навалы грузов под открытым небом.

Садимся в автобусы... Навстречу — рукой подать — радостно-зеленые пушистые кедры, в одиночку шагающие к берегу. В лощине — огороды и старые деревянные домики, окруженные густым хвойным лесом, — бывший поселок Горнофилинск. Теперь здесь Горноправдинск — городок нефтеразведочной геологической экспедиции, где вершит делами

Фарман Курбанович Салманов¹, о котором мне говорил Эрвье. Салманов — настоящий боевой командир в тайге Среднего Приобья, а комиссаром у него Анатолий Ермолаевич Наумов — секретарь Правдинской партийной организации.

Мы встретились с ними у конторы экспедиции возле ярких цветочных клумб... Салманов, охотно-улыбчивый, быстроглазый, с легкой шапкой разлетающихся кудрей, тронутых ранней проседью, сразу привлекал внимание. Чувствовалось, что это решительный, горячий человек, способный и вспылить, и поговорить по душам,— не зря заслужил он такой большой авторитет у своих разведчиков, которые в часы отдыха добровольно превращаются в плотников, штукатуров, землекопов и слесарей на строительстве своего поселка.

Разведчик-строитель!.. Уже давно укоренилось мнение, что разведчики чуть ли не всегда должны жить вроде кочевых цыган. Мне приходилось наблюдать в Башкирии и Татарии в пору освоения, как буровики ютились с семьями в холодных сарайчиках и сырых каменных кладовках во дворах деревенских жителей. Ни бани, ни пекарни. О клубе — говорить нечего!

Но ведь бурение скважин — не полевые поиски, когда разведчики идут да идут по земле с молотком и рюкзаком за плечами, а за ними следует «обоз» — лошади с вьюка-

¹ В 1970 г., уже после поездки писателей по Тюменской области, Ф. К. Салманов назначен главным геологом Главтюменьгеологии (*прим. ред.*).

ми, где продукты, палатка-жилье и железная печка. У буровиков есть время не только обосноваться самим, но и подготовить жилую площадь для постоянных кадров нефтедобычи, если нефть ими уже обнаружена.

— Мы назвали свой поселок Горноправдинским в честь газеты «Правда»: она нам очень помогла в борьбе со скептиками и не верившими в наши перспективы экономистами,— сказал Салманов, когда мы шагали по новеньким деревянным тротуарам мимо двухэтажных, тоже новых домов.— Сейчас в поселке живет две тысячи человек. Жильем обеспечены все. Есть Дом культуры, теплицы, столовые и, говорят, образцовый детский сад. Вот посмотрите сами!.. У нас очень много детей. Люди гордятся своим местожительством, полюбили его, а поэтому у нас нет милиции. Ей нечего тут делать.

— Значит, вы замещаете и начальника милиции?

Салманов смеется, встряхнув взвихренными кудрями, и дерзкий его профиль с коротким прямым носом становится еще задорнее. Глаза разведчика — широкие, цепкие, вдруг напоминают мне одного из прототипов моего Джабара Самедова из «Дара земли», азербайджанина-буровика, ставшего потом директором буртреста. Джабар, как и тот, кто был его прообразом, не терпел препятствий на своем пути и умел справляться с ними. А что писал о Салманове журналист Евгений Лучнецкий в 1964 г. в книге очерков «Подвиг совершается здесь»! Это в Сургутском районе, куда Салманов самовольно привез на баржах целую бригаду буровиков с семьями. Ему пе-

редали перед этим, что «начальство переиграло» и надо возвращаться обратно. Фарман Курбанович сказал посыльному:

— Слушай, я тебя нэ видел, ты меня нэ видел! — Салманов погрозил пальцем.— Нэ видэлись! — и выскользнул из комнаты.

Сам закончил погрузку на баржу и уехал с людьми в Сургут.

Бурили там, а нефти не было. И хотя секретарь обкома А. К. Протозанов оказывал поддержку Фарману и главному геологу экспедиции Борису Власовичу Савельеву, начальство не отказалось от мысли ликвидировать разведку в Сургуте даже после того, как на Нижневартовской структуре «пробрызнул» один фонтан. В 1961 году окончательно подготовили ликвидацию Сургутской экспедиции, когда ударил мощный фонтан на реке Меге, оправдавший сразу все надежды геологов, их героическую строптивость в борьбе со злой природой и неверием в их поиски, и всю горечь временных поражений. Фарман послал телеграмму в главк: «Двести сорок тонн вы понимаете?» Потом за четыре года было открыто семь месторождений нефти. Это даже для сургутских пространств немало.

В Сургутском районе Салманов был в числе основателей нового поселка Нефтеюганска рядом с Усть-Балыком, откуда в 1964 году пошли первые сотни тонн нефти в Омск на переработку. А теперь он ведет разведку в Правдинской экспедиции...

— Территории у нас громадные, высокопродуктивные, но изучены пока на пятьдесят процентов, не больше,— говорит Салма-

нов, ведя нас по своим владениям.— Мы здесь бурим в радиусе до трехсот километров и уже открыли пять нефтяных месторождений. Вахты улетают на вертолетах (нам без вертолетов нельзя — они наше спасение). Пятнадцать дней разведчики на буровых, потом отдыхают здесь целую неделю и опять в тайгу. Плохо то, что не все ваши книги доходят сюда, а в наших условиях они очень нужны. Представьте себе: буровики работают восемь часов, а 16 часов комаров кормить не будешь. Читали бы книги, да нету их.

Стараемся создать все возможности для хорошей жизни здесь, в Правдинске. Тут у нас и Дом культуры, и библиотека. В квартирах паровое отопление, газовые плиты, водопровод. Сейчас заканчиваем однодневный дом отдыха — там будет и гостиница для приезжих. В строительстве принимают участие разведчики и их жены, которые трудятся здесь как геологи, учителя, врачи, работники магазинов и столовых. Пока появятся здесь оседлые жители — нефтяники, мы еще лет пять пробудем в Правдинске. Потом двинемся дальше. Такова судьба разведчиков. Жена и сын всюду со мной. Я за 18 лет в Сибири сменил 10 мест, а мой заместитель Михаил Иванович Ветров работает уже на двадцатом — все по Северу и Сибири.

В Горноправдинске действительно есть все «для хорошей жизни». Нарядно выглядят среди темно-хвойного леса благоустроенные дома — на восемь и на двенадцать квартир. Особенно выделяются бело-голубые коттеджи детского сада. Цветы на клумбах прекрасно себя чувствуют по соседству с кедрами и

пихтами, которые стоят на такой чистой земле, будто ее поливают и подметают каждый день.

— Сколько неприятностей имели с пожарниками,— с неожиданным серьезным огорчением пожаловался Салманов.— Вырубайте, мол, все подряд — и точка. Никаких доводов не слушали. Два раза платил штраф... из своего кармана, но лес, как видите, мы отстояли. Разбили его на отдельные участки, вычистили. Тут от брошенного окурка не загорится, специально поджигать надо!

Заведующая детским садом, влюбленная в Сибирь, смуглая украинка Наталья Андреевна Рябенко радостно улыбается нам и сразу ведет осматривать живой уголок.

— Дети сейчас отдыхают, у них послеобеденный сон,— сообщает она, жмурясь от яркого солнца.— Они тут все сами: о птицах и зверьках заботятся, за цветами ухаживают и за грядками. Овощами, правда, мы обеспечены — теплицы у нас замечательные. Старемся приучать детей к труду, хочется, чтобы они научились любить природу. У них тут есть домашние животные: лошадь, корова, разные птицы, зверюшки дикие и даже вот...— Рябенко подводит нас к железной сетке вольеры.— Это Машка.

Машка, молодая сытая медведица, демонстративно отворачивается от писателей, садится, наваливаясь круглым задом на решетку, и начинает чесать ухо задней лапой с длиннющими крючковатыми когтями и черной подушечкой подошвы. Жирно подрагивает спина зверя, одетая пышным серебристо-бурым мехом.

— Натя, выкусите! — говорит вся нагло-гато-вызывающая поза Машки.

— Уж будто не можешь прилично почесаться, озорница! — весело укорила ее Рябенко.— Разведчики шутят: если вам надо, то Салманов и крокодила для садика достанет.

Наталья Александровна помолчала и добавила серьезно:

— Конечно, достанет.

Сразу видно, как она довольна своей работой в этом отличном детском саду и жизнью в Горноправдинске.

Тихонько, чтобы не беспокоить спящих детей, мы проходим по корпусам. В спальнях и столовой чистота и теплый уют, созданный любовными материнскими руками. А на вымытых недавно крылечках длинные ряды детских туфель и башмаков ожидают маленьких хозяев. Хозяев жизни, шагающей вместе с нефтяными вышками по земле Тюмени. Спят вихрастые, загорелые, растут и копят силы для своего трудового завтрашнего дня. Не страшны им ни дикие звери, ни злые люди. Даже угрюмая тайга улыбается им — будущим открывателям ее богатств.

Напротив Дома культуры, одетого, как рыбьей чешуей, деревянными пластинками,— домик-сказка из березовых с корою бревен — белый киоск для продажи минеральной воды и мороженого. Отличная выдумка! И замечательно строится на лесном взгорье профилакторий — однодневный дом отдыха с видом на поселок, на зеленые пышные кедры и ели.

— А теперь пойдете в теплицы! — приглашает Салманов с щедрой белозубой улыб-

кой, не затененной черными его усами, и кивает инженеру-строителю Александру Николаевичу Устьянцеву, уже двадцать лет работающему в тайге Тюмени.— Зовите товарищей писателей!

И мы весело нагрянули в теплицы — хозяйство агронома Юлии Беловой, совсем молодой с виду, но имеющей большой опыт работы.

— Вы тут все удивительно хорошо выглядите,— говорим мы Юлии.— Значит, суровый здешний климат на пользу людям!

— Я после окончания Ашхабадского сельскохозяйственного института работала десять лет агрономом в Казахстане да столько же в Туркмении.— Белова весело косится на основателя Правдинска Салманова.— Теперь тут акклиматизировалась. И не только я... вот сорт — ленинградский скороспелый тоже привился.— Белова пропускает нас в теплицу, где подвязанные шпагатами тянутся к потолку чудо-помидоры, сплошь унизанные спеющими красными плодами.— Обеспечиваем своих жителей неплохо и... гостей тоже. Пробуйте, пожалуйста!

После ужина в столовой мы возвращаемся «домой», на борт теплохода. Наш молодой бравый капитан Андрей Дмитриевич Сургутсков сообщает нам по секрету, что он местный уроженец и что по пути к Ханты-Мансийску мы пройдем мимо его родной деревни Реполово. Десятилетний сын капитана Леня ездит с отцом в рейс, сестренка дома, в яслях, а мать работает бухгалтером. Мальчик тоже, наверное, будет потомственным речником. Надо видеть, с какой гордостью он смот-

рит на отца, когда тот стоит на своем посту капитана или в свободное время рисует этюды, бело-синие, яркие — Обь и теплоходы. Вся команда и директор ресторана Александра Филипповна Филиппенко, и шеф-повар Евгений Михайлович относятся к нам с особенной теплотой. И уже сколько раз в пути при постоянных встречах с друзьями-читателями мы думали: «Как хорошо и как ответственно быть писателем! Сколько пытливых глаз и настороженных ушей обращается к нам. И чтобы оправдать это доверие, надо всегда держать сухим порох в своей пороховнице. Не отставать! Не зазнаваться! Ведь все, о чем мы пишем и чем живем, мы берем от нашего народа, самого трудолюбивого и самого доброго в мире.

Нынче, когда бесновался в половодье Иртыш, богатый суводями, где и в межень прижимное течение раскачивает суда, когда Обь разлилась неоглядно, многие деревни оказались затопленными и матросы-речники повсюду оказывали помощь сельским жителям, вывозя их в города и поселки. Уже после отхода от Горноправдинска Салманов, поехавший с нами в Ханты-Мансийск, рассказал нам, что семья заведующей детсадом Натальи Рябенко приютила пятерых ребятишек да старушку, а предложили уплатить — обиделась даже. И все нефтяники также помогали пострадавшим.

Ханты-Мансийск — центр огромного национального округа — стоит на высоком лесистом мысу там, где Иртыш впадает в Обь. На правом берегу Иртыша привольно раскинулось бывшее село Самарово, основанное

триста лет тому назад и ставшее теперь портом окружного города, центр которого «за горой», ближе к Оби.

В Самарово нас встретила председатель окрисполкома Антонина Георгиевна Григорьева, по отцу из племени ханты, моложавая миловидная женщина, вершащая делами семи районов. И каких легендарных районов! Кондинского, Сургутского, Нижневартовского, Ханты-Мансийского, Березовского, Октябрьского, Советского. Сколько «под рукой» ее таежных поселков, в которых живут нефтяники, охотники, рыбаки, оленеводы, лесозаготовители, геологи, строители!

— Территория у нас — пятьсот тридцать пять тысяч квадратных километров, — с гордостью говорит Григорьева. Свежее, без морщинки, продолговатое лицо ее, неожиданно голубоглазое, с тонкими чертами, светится умом и жизнерадостностью. — Богатств округа не счесть, но населения маловато. Сейчас строится железная дорога Тюмень — Сургут, а потом она пойдет до Нижневартовска. Это скоро оживит наши просторы, хотя у нас уже есть железные дороги: Ивдель — Обь — 440 километров — связывает Урал и станцию Сергино на Оби в Октябрьском районе; вторая дорога, тоже с Урала — Тавда — Сотник. Все благодаря нефти. А то глушь была первобытная. Единственный путь — реки... Вам Иртыш показался могучим, а вот завтра вы по Оби поедете... После Ханты-Мансийска она безлюдна, величава, местами на десятки километров разливы. Теперь связь с районами — все самолеты да вертолеты, а раньше только на пароходах, а в тайгу — на оленях.

— Часто вам приходится выезжать в районы?

— Конечно. То в стада (это совхозы оленеводческие), то к лесорубам, то в юрты к охотникам. И ханты и манси теперь оседлые, имеют настоящие поселки, но и охотникам и оленеводам приходится кочевать по тайге. Зверь не сидит на месте, и оленям тоже нужны свежие пастбища. Дети охотников и рыбаков учатся в наших городских интернатах, живут на полном государственном обеспечении, пока не закончат школы, а летом уезжают к родителям. Так для всех хорошо. Но бывает и плохо... Народ к нам приезжает разный! Бывали недоразумения со скупщиками пушнины в районе Сургута. Пьяницы попадают, жулики продувные из бывших подсудимых. А ханты и манси — народ гордый — хотя есть малограмотные, а из стариков охотников и вовсе неграмотные, — их обжулить легко, потому что они спорить не станут. Вот и приходится следить, оберегать от проходимцев.

— Надо своих людей посылать с соответствующим образованием — комсомольцев, партийцев, чтобы язык знали и уважали охотников.

— Готовим кадры, но молодежь с образованием рвется на другую работу. Нефть перетягивает к себе. Городская обстановка — тоже. Это понятно: город есть город! Мы создаем в Сургуте, Нефтеюганске и Вартовске промышленно-строительные базы, где изготавливаются керамзитовые плиты, будет и кирпич в Локосово (это село на Оби) — пусть растут в тайге города!

Недавно мы были исключительно богаты рыбой. Муксун, нельма, осетр, стерлядь. А нефть, что ни говори,—неожиданность. И уловы упали. Теперь восстанавливаем поголовье, да и нефтяники начинают понимать, что рыба и нефть — лучше, чем одна нефть, что радужная пленка на реке — рыба смерть...

Разговор с Григорьевой идет на территории рыбоконсервного комбината, куда нас повезли в первую очередь и где на конвейере мы вдруг обнаружили своих старых московских знакомых: треску и морского окуня.

— Улов речной рыбы за последние годы снизился, местами на Оби ловля ее временно запрещена, а завод должен работать на полную мощность,— как будто спокойно поясняет Григорьева, но в выражении ее лица сказывается невольная грусть.

Григорьевой пятьдесят лет. Мать ее русская, а отец — ханты, погиб в гражданскую войну на Обском Севере, воюя в партизанском отряде. Был он рыбак и охотник, жил со своей семьей в деревне Кондинского района, населенной русскими и местными жителями. Там в Конде — нынешнем нефтяном районе — и родилась Антонина, так что любовь у нее к здешнему краю врожденная и не зря она всю жизнь находится на партийно-советской работе. Десять лет была в Сургуте председателем райисполкома, а теперь здесь заправляет делами. Муж ее — кооператор, уже на пенсии. Сын — геофизик, техник в геофизической партии, старшая дочь в Адлере, на юге, сопровождает экскурсии тури-

стов — она хорошо владеет немецким языком. Младшая дочь Людмила — диспетчер в Сургутском аэропорту.

Смотрю на Григорьеву с возрастающим интересом: и мать хорошая, и очень женственна в свои пятьдесят лет, прекрасно одета, пышные светлые волосы причесаны просто и строго, сдержанно строга и в манерах. Чувствуется, что здешние руководители-мужчины относятся к ней с большим уважением, а иные и побаиваются.

Здесь она — Советская власть. И дочь Советской власти. Я мысленно перекидываюсь в прошлое, на пятьдесят лет назад. Представилась воображению глухая тайга на реке Конде, о которой мы слышали только после открытия нефти в Шаиме. Теперь знаем: заболоченная, непролазная пойма. Озера. Топи. Комары. Угнетенный лес на торфяниках и кочковатых моховищах — няр.

Почти до 1960 года — ни земных дорог, ни небесных. Только вьюком на лошади да на оленях. Тропы лесные, никем не меренные, на сотни километров ни одного жилья. Но в редких таежных поселках и деревнях, по берегам рек, жили советские люди, сильные, смелые, закаленные борьбой с суровой природой и крепко привязанные к своему неласковому родному краю, словом, настоящие сибиряки.

И когда зашумела в Тюмени большая нефть, для открытия и добычи которой было двинуто в тайгу неслыханное количество техники и приехали люди из всех областей страны, — сибиряки-тюменцы в полной боевой готовности включились в поистине героическую

эту работу. Трудности им были не страшны, потому что они знали радость борьбы с ними.

Видно так уж заложено в нас от рождения, что не ценим, не бережем мы то, что легко достается, но зато добытое в трудностях на всю жизнь для нас дорого и мило. Есть в этом великое творческое начало — лучшее человеческое «я», где все — от стола, сделанного своими руками, до ракеты, летящей в космос, до спасения погибающего, до рождения ребенка — благодатная трата физических и духовных сил, вызывающая и горечь разочарований и неудач, и гордость победы, и острое чувство ответственности, и любовь к созданному, сделанному, рожденному.

Тот, кто не испытал этих чувств — и радостей и разочарований, — можно сказать, напрасно жил на свете, потому что жизнь воистину прекрасна только тогда, когда ты чувствуешь себя хозяином своего труда, родителем своих детей.

Не потому ли такими глубокими корнями вырастают сибиряки в родные края, что здесь все берется с бою? И тот, кто приезжает сюда не просто как турист, не в погоне за длинным рублем, — остается на долгие годы, навсегда, заколдованный и белыми северными ночами, и могучим течением рек, и шорохами неохотно отступающей тайги.

Прочитайте книгу Ю. Г. Эрвье «Сибирские горизонты» — о том, как он, южанин, пишет о Тюменском Севере:

«Ни с чем не сравнить южанину июльскую ночь в низовьях Оби. Солнце давно село за горизонт, а чудесная яркая заря пламенеет

на небе. Широкая, в несколько километров, Обь тихо катит воды. На реке ни рябинки — зеркало, в котором отражается небо, но уже не яркими, а мягкими, пастельными тонами...

Полночь, а светло, можно свободно читать...

Когда я бываю летом на севере, ночь завораживает меня, вызывает внутри какое-то ликование, глубокую благодарность природе, создавшей такую красоту».

Неотразимо действует Север и космически величавые просторы тайги и тундры на многих людей. Пугают они только слабых, не приспособленных к жизни.

До сих пор вид бегущих на экране оленей, снежный дымок, вьющийся за нартами среди белых торосов таежной реки, или черная тонкая штриховка леса по склонам побеленных зимою каменных гольцов вызывают у меня стеснение в груди. Это беспредметная, но непрестанная сладостная тоска по северу, подавляемая лишь повседневными заботами и горячкой работы в круговороте жизни.

Воспоминания о совместной работе на Севере подобны воспоминаниям фронтовых друзей. Куда же уйти от всего этого коренному северянину? Что для него бездорожье, комары и болота?! Особенно, если даны средства ополчиться против них.

Немудрено, что Антонина Григорьева — уроженка Сибири и дочь красного партизана — стала председателем районного Совета в Сургуте на большой Оби. Однако не за прекрасные голубые глаза ее избрали. Для этого надо было много учиться и работать так, чтобы заслужить доверие людей.

Сейчас у нее — председателя окрисполкома — еще больше забот. Одна из них — благоустройство Ханты-Мансийска.

Город растянулся далеко, оседлав горный перевал, отделяющий центр города на Оби от пристани древнего Самарова, дома которого и рыбоконсервный комбинат расположены под кручей на берегу Иртыша.

О росте своих окружных городов: Урая, Нефтеюганска, Сургута, Горноправдинска Антонина Григорьева говорит со сложным чувством гордости и зависти.

— А что мешает так же бурно расти Ханты-Мансийску?

Председатель окрисполкома не удивляется наивности вопроса: не всем ведь известно, что городские бюджеты составляются из отчислений местной промышленности и за разработку природных богатств своего района. А окружной центр все-таки отдален от нефтяных площадей.

— Один из самых знатных наших людей буровой мастер Семен Никитович Урусов.— Сказала Григорьева, как будто уклонившись от ответа.— Урусов пробурил скважину номер шесть у реки Конды на шаимской структуре, открытой геофизиками методом речной сейсморазведки. У нас геологи посуху не ходят! Так вот эта шестая скважина дала в 1960 году первую промышленную нефть, а Семен Урусов, Герой Социалистического Труда, навсегда вошел в историю нашего края. Помимо того, что он явился первооткрывателем, его бригада через два года добилась самой высокой в стране проходки в разведочном бурении.

А неподалеку от шаймских скважин-первооткрывательниц, на месте крохотной деревушки, где жили лесорубы, вырос за несколько лет город нефтяников Урай. В нем живет больше двадцати тысяч человек. Конечно, электричество, водопровод, многоэтажные дома с паровым отоплением, настоящие мостовые. Все, как полагается. И сколько других таких городов появилось в округе! Для нас это особенно наглядные перемены в биографиях людей и нашего края. Все благодаря открытию нефти. В самом Ханты-Мансийске нефти пока нет, значит, и отчислений за богатства недр наш город не получает. Кое-что строим. Неплохо, немало строим, но нужно очень многое.

Автобус мчится по улице, идущей по нагорью с уютно поставленными среди пихт и кедров деревянными домиками. Вон водовоз, окруженный хвостом очереди. Женщины, покачивая ведрами на коромыслах, шагают в гору. Бегут им навстречу, размахивая пустыми ведрами, ребятишки, семят старики.

— Нет водопровода! — В голосе Григорьевой досада, на лице румянец смущения. Как будто она сама виновата в том, что сибирячки носят воду на своих плечах.

А впереди — далеко видный из окна автобуса, раскинулся под горой Ханты-Мансийск. Широко разбежались зеленые в центре улицы, светлеют стены новых каменных зданий, деревянные теснятся по окраинам и возле протоки, где горбится мост.

— Народ ханты раньше назывался остяками, а манси — вогулами. В Самарово ставился летний чум князя Самара. Наши охот-

ники и сейчас зимой пушную, а летом по тропам на оленях — сюда.— Говорила Григорьева, поминутно прерывая свои рассказы о крае, чтобы показать нам то новое здание кино, то универмаг, то педучилище, где готовятся для нужд национального округа восемьсот учителей.

На улице Мира — административные здания, окруженные посадками берез. Весело толпятся березы и в городском парке. И как во всех здешних молодых городах — поселки геофизиков, на которые мы смотрим теперь с особым уважением, строителей, авиаторов. До прошлого года воздух принадлежал здесь гидросамолетам. Зимой они садились на лугах, летом — на реки. В 1969 году появился настоящий аэродром круглогодичного действия.

Ан-2 и Ли-2 — великие труженики тайги, как и все вертолеты от Ми-1 до гигантов Ми-6 и Ми-8. В здешних условиях они, как слоны в джунглях, тащат все тяжести — оборудование вышек, машины, сбрасывают десанты рубщиков, топографов и геофизиков.

Смотрю на разгоревшееся миловидное лицо председателя окрисполкома и пытаюсь вообразить всю сложность, огромность и многообразие ее работы. Чудесно то, что этот председатель — женщина, принадлежащая половиной своего существа племени ханты, и то, что она не исключение, а одна из «ста тысяч других в России», но не «простая», а как и все остальные, замечательный работник, выращенный Советской властью.

После осмотра города и краеведческого музея Григорьева завезла нас к геофизикам.

Она ими гордится, мы очень заинтересованы: ведь все представление о работе геологов нарушено тем, что здесь они «посуху не ходят». А как же иначе? Я сама прошла пешком по таежным тропам многие сотни километров и в Якутии, и на Северо-Востоке, по Магаданскому краю, и в родной Дальневосточной тайге. Отлично знаю условия работы поисково-разведочных партий. Знаю и сейсмическую разведку в нефтяных районах Башкирии и Татарии. Но все это на твердой земле. На Нефтяных Камнях в Баку тоже знакомилась с тружениками морской нефти. Скважины на эстакадах, проявления нефти и газа среди морских волн... Но как идет разведка на реках в болотистых таежных урманах, где даже признаков нефти нет?

Едем по нагорью, по светло-пыльной сухой дороге среди ярко-зеленого хвойного леса (это все в черте города), и вдруг прогал среди островерхих елок, и взгляд тонет в далеко и широко расхлестнувшейся сказочной сини, спорящей с голубизной жаркого северного неба. Это не Обь, не Иртыш, а, как здесь говорят, заливные сора. Перед нами Самаровский сор — залитые луга, здесь весной гуляет, жирует, нерестится рыба.

На юру, где вольный ветер разгоняет полчища комаров, стоит контора геофизического треста. Управляющий трестом инженер-геолог Виталий Степанович Щербинин, высокий, стройный красавец, из своих тридцати восьми лет пятнадцать провел на Севере и в Тюмени, за исключением одного года командировки в Сирию. Жена его — тоже геофизик здешнего треста. Двое сыновей (десяти и

тринадцати лет) родились на тюменской земле.

— Наша основная задача? Изучение недр земли и подготовка структур к глубокому бурению,— говорит Щербинин, разместив писателей в своем большом кабинете, простом, чистом, прохладно-уютном с затянутыми марлей форточками.— У нас двенадцать сейсморазведочных партий, в которых работает тысяча триста человек, причем триста из них инженеры и техники. Люди едут сюда, стремясь к первооткрытиям; многих привлекает природа здешних мест. К примеру, для охотника — лучше быть не может! В поле мы выходим, как говорят геологи, в начале декабря, когда промерзают болота и можно ехать везде. Это для нас лучшее время года. И тайга в зимнем уборе очень хороша. Основной транспорт — тракторы, вездеходы, которые везут оборудование и вагончики-балки, где живут рабочие. Бури́м скважины до 25 метров глубиной без применения раствора.

— А речная сейсморазведка?

— Речная — летом. У нас работают четыре сейсмические партии... По предложению начальника геофизической партии Александра Ксенофоновича Шмелева в Тюмени родился совершенно новый метод для выявления подземных структур. Раньше в летнее время вести работы было невозможно, и вот Шмелев решил использовать речные пути. Он предложил сделать длинный плавучий бон из бревен, разместить на нем сейсмическую косу, свитую из проводов, и сейсмоприемники. Вдоль бона пропустить стальной трос и передвигать его буксирным катером,

на котором устроить сейсмостанцию. Бурить гидромонитором, опускать взрывчатку и взрывать. Просто, и результаты хорошие. У нас нет ни одной речки, где бы мы не провели такую разведку, а теперь этот метод принят всеми нефтяниками страны. Он помог нам открыть нефть Шаима и Мегиона и газ Тазовского и Пуровского районов.

Щербинин просто расцвел, как маков цвет, рассказывая писателям о своей работе...

— Выявляем за год от 12 до 19 структур, а на них потом буровики открывают три-четыре месторождения нефти. Если вы в детстве мечтали об открытии кладов, то легко поймете состояние разведчика, получившего свой первый нефтяной фонтан. Всю душу после того вложит в поиски.

— У нас освоен еще один оригинальный метод разведки — сейсмозондирование с помощью самолетов. «Доводил» этот метод в районе Тобольска и Ханты-Мансийска Евгений Васильевич Сутормин. Методика простая: зондаж, взрыв и запись.

Как это делалось? Выбирали по карте места посадки: для самолетов Ан-2 — озера, которых у нас предостаточно, для вертолетов настилали на болотах площадки вроде квадратных плотов. В самолете или вертолете монтировалась сейсмостанция, а на другом завозилась бригада, гидромонитор для бурения скважины, взрывчатка и надувные лодки. Мы первые предложили сбрасывание сейсмостанции на зонд с вертолета контейнерами. До этого взрывы были риском для жизни людей.

— Вы тут на каждом шагу взрывы устраиваете!..

— Приходится. Территории у нас громадные, и на карте надо отметить множество точек, чтобы без бурения была известна глубина до отражающего горизонта. И чтобы каждая точка была не дальше десяти километров от другой. Метод сейсмозондирования совершенствуется до сих пор, но мы уже выявили им на земле Тюмени, перемешанной пополам с водой, Шухтунгортскую зону поднятий, Красноленинский, Сургутский, Нижневартовский, Салымский и Ляминский своды. Есть ли нефть или газ в каждом таком своде, может раскрыть только глубокое бурение, но без наших поисков буровики работали бы вслепую. Так и было, когда здесь бурились наобум дорогостоящие и, как правило, пустые опорные скважины, создавшие вначале плохую славу Тюмени. А с развитием геофизических работ все пошло по-иному. Судите сами. Сейсмозондаж помог площадной сейсморазведке правильно ориентироваться в Сургутском и Мегионском районах, что дало возможность быстро открыть Южно-Балыкские, Западно-Сургутские, Ватинские и Северо-Покурские месторождения нефти. Так мы создали фронт широкого наступления для буровой разведки в Тюменской тайге и в тундре.

Мы слушали Щербинина и думали о том, какие сильные и богатые тылы нужны для такого наступления. Тут, действительно, нет условий для обычной поисковой партии, работающей в летнее время. Все упрятано на дне под тысячеметровой толщей осадочных

горных пород, затянутой сверху дремучей хвойной тайгой, болотными зыбунами, непролазной щеткой мелкого колкого леса, покрытой неоглядными «сорами».

Лет десять назад по таежному зимнику сюда на помощь тракторам пришли вездеходы и тягачи. На их пути были тысячи капризных таежных рек и речушек с коварными ловушками наледей; купание в морозы, доходившие до пятидесяти градусов; дымящиеся густым паром полыньи и зыбкий лед возле них на Иртыше и Оби, богатых подводными ключами «живунами». А незамерзающие гнилые болота? А дремучая, кондовая тайга, где шагу не ступишь без топора?

Потом на смену вездеходам пришли тяжеловозные вертолеты. Это было великое событие в условиях бездорожья. У буровиков сразу появилась дерзкая мысль — использовать вертолет Ми-6 для перевозок буровых установок, но конструктор Миль сказал, что вертолет берет на подвеске только 8 тонн. Пришлось спешно по конкурсу конструировать в 1958 году установку из блоков, весящих не более восьми тонн. Опытные перевозки проводились в районе Волгограда, где завод «Баррикады» делал эти блоки. Но только летом 1963 года были впервые переброшены по воздуху буровая установка, в целом весившая сто шестьдесят тонн, и тысяча тонн материалов для бурения.

Пионером этого замечательного дела был тюменский летчик И. Т. Хохлов, теперь Герой Социалистического Труда, человек, казалось, не ведавший страха и усталости. Да и все летчики, работающие в тюменской тайге,

смелые люди, безотказно и отлично выполняющие любые поручения. Благодаря их работе, были быстро открыты крупнейшие месторождения нефти и газа. Вертолеты стали лучшими боевыми друзьями разведчиков. Они завозили бригады рабочих, сбрасывали в контейнерах все необходимое для подготовки взрывов, вплоть до сейсмических станций. Они же помогали потом ставить на этих разведанных точках буровые вышки. Сейчас Тюменская авиагруппа стала самостоятельным управлением, задачи которого растут и по объемам, и по сложности.

Мы ушли от Щербинина с теплым чувством к этому сибиряку, образованному, интересному человеку, который уже полтора десятка лет отдал работе в тайге и стремится только к одному — сделать как можно больше.

По документальным фильмам и книгам мы уже познакомились со многими труженниками тюменской тайги. Замечательно то, что они не только открывают газ и нефть, но и пишут о своих поисках. Особенно интересен сборник очерков «Разбудившие землю», выпущенный Средне-Уральским книжным издательством в 1965 году. Общественный редактор и один из авторов его — Ю. Г. Эрвье. Очерки написаны геологами, транспортниками, геофизиками, писателями и журналистами Тюмени.

Получилась живая, увлекательная книга, потому что создавали ее люди, влюбленные в свое дело. «На Тюменский Север идет новая жизнь,— пишет в своей очерке А. Г. Быстрицкий, теперь заместитель начальника

Тюменского геологического управления.— Был бы жив академик И. М. Губкин! Это он еще в 1932 году на Уральской сессии Академии наук СССР утверждал, что на северо-восточных склонах Уральского хребта должна быть нефть. И вот свершилось!.. Березово. Тринадцать лет прошло с момента первого свидания с ним. А кажется, только вчера это было. Представляю себя на том далеком острове пережитого. Вижу лица товарищей, друзей, с кем было все сначала: и первая ночевка в не обжитом геологами сибирском углу, и первый рабочий запоздалый рассвет, и огорчения, и первый успех».

Это ему, Быстрицкому, прибывшему из Тюмени в райцентр Березово на Северной Сосьве с заданием организовать «первую березовскую партию глубокого бурения», мы обязаны случайным открытием газа на притоке Сосьвы таежной речке Вогулке, когда грандиозный газовый фонтан, бушевавший потом около семи месяцев, потрянул поселок, в котором закончил в ссылке свои дни Александр Меньшиков.

В 1965 году в Березовском районе было открыто уже восемнадцать месторождений газа. «На ладони вся жизнь. Вдали от столиц, от больших дорог... Жалею ли об этом? Нисколько... Я люблю свою профессию. Горжусь ею. Имей я в запасе еще жизнь, начал бы ее так же»,— пишет Быстрицкий.

О том, как в 1960 году проторили дорогу в пятьсот километров от уральского городка Ивдель в мансийские поселки Шухтунгорт и Хангокорт, рассказывает в своем очерке начальник транспортного цеха В. С. Понома-

рёв. Строительство железной дороги Ивдель — Обь тогда только начиналось, и надо было срочно проложить зимний путь — «трассу жизни» — для тракторных и вездеходных обозов, которые повезут в тайгу буровое оборудование и продукты для разведчиков. Просеки, покрытые пнями. Совсем нетронутая глухомань. Завалы и холмы. Полузамерзшие болота. Одна речка хуже другой. И названия у них каверзные: Эйтъя в гористых берегах, Ух, Эска, которую прозвали «эсэсовкой» после того, как восемнадцать часов вытаскивали из нее ушедшую под лед машину Пэномарева.

Нырял в воду и зацеплял трос за крюк тюменский корреспондент Евгений Ананьев. А мороз был градусов тридцать. Повторять эти моржовые нырки ему пришлось несколько раз, пока не удалось завести «легкость» как следует. Ананьев выступал вместе с нами перед читателями, но мы не знали, что он так, можно сказать, героически действовал, когда писал первую книгу о нефтеразведчиках Сибири, хотя со своей устрашающей кудрявой бородой и лохматой шевелюрой он и выглядит настоящим таежником. Очень дорого узнать о своем собрате по перу что-нибудь хорошее!

И опять лесные дебри и речки: Тах, Пурдан, Ем-Юган. Лежневки из лапника. Мосты. Тяжелая работа — врубаться в лесную чащу. Километр за километром.

«Разбить лагерь» — до чего, казалось бы, просто. Впрочем... Представьте себе позднюю ночь. Темно, тощая луна едва проглядывает сквозь густой хвойный потолок. Заметно мо-

розит, даже в меховых костюмах пробирает дрожь. За день непрерывного пути, усиленного «физзарядкой» на переправах, завалах и всяких прочих препятствиях, все изрядно устали. И надо еще... Ох, много еще надо сделать, чтобы впервые уголок нехоженой тайги приобрел обжитой вид!

Является автором сборника и Н. В. Мизин — главный геолог Тюменской комплексной экспедиции. Он тоже вспоминает, как вездеходы проложили первую сухопутную дорогу в верховья бассейна реки Конды, где по предложению Ю. Г. Эрвье была организована группа поисковых партий. Это был героический рейс. Игримская разведка в ту зиму из-за недостатка оборудования была на грани прекращения работ. Но отряд пробил дорогу, и по его следам пошли колонны грузов.

Хорошо написаны очерки «Необыкновенное лето» и «Кресты на профилях» В. Н. Козлова — старшего инженера Тюменского геологического управления, «Человек в разведке» Киры Ткаченко, тоже о буровом мастере Николае Григорьеве. Интересны очерковые письма ханты-мансийских журналистов Юрия Переплеткина и Юрия Кибардина, которые много лет живут и работают среди нефтяников Тюмени. С удовольствием читается «Голубой огонь» журналиста Ю. Зимина, очерковая повесть «Княгницкие» тюменского писателя И. Ермакова, а также яркий очерк геолога Геннадия Сазонова «О чем молчит геологическая карта».

Трудно рассказать обо всех вещах, помещенных в сборнике, хотя все они заслужива-

ют внимания читателя, потому что написаны участниками и очевидцами открытия нефти в Тюмени по горячим следам событий. Радуется и то, что здесь пример хорошего содружества литераторов и нефтяников, знатных своей творческой жилкой в работе, новаторской смелостью и трудовым героизмом. Над книгой работали тюменские писатели и журналисты: Ананьев Е. Г., Бабаков Г. А., Бахтеев А. Х., Михеева З. И., Николаев В. Н., Хмелев В. М., хочется сказать всем этим нашим товарищам — большое спасибо!

В очерке Б. В. Савельева говорится о воздействии рабочего коллектива на тех, кто ронял свое человеческое достоинство. «Кадры на севере были и пока остаются проблемой номер один,— пишет он.— Заманчивый огонек геологической романтики притягивает к себе многих. И поди разберись сразу, кто приходит к нему трудиться, а кто только руки погреть... Людей приходилось и учить, и воспитывать одновременно».

Конечно, и сейчас есть здесь накипь людская, но где ее не бывает! К тому же издавна установился обычай — направлять всех подонков на север, как будто мало трудностей у его покорителей! И приходится им еще заниматься воспитанием граждан, не желающих трудиться. Срывов из-за этого предостаточно — и хулиганство, и пьянки, и убийства случаются. Но опять я сравниваю с этим то, что творилось в старой тайге и на бывших дико отсталых российских окраинах, где шли на преступления от одной мертвящей скуки, от захлестывающего, в конце концов, до иступленной ярости протеста против серого

однообразия жизни, а еще чаще — от желания разбогатеть, раздавив чужую жизнь, такую же убогую в своей ограниченности. Ели, пили, спали, копили деньги, притесняя и обворовывая друг друга, прозябая в замкнутом мертвом кругу застывшей в развитии дальней дали.

А вот мы посмотрим завтра, что делается в тех местах, где из разбуженных недр поднялась по скважинам и пошла по белу свету большая нефть Тюмени, о которой нам столько говорили разведчики, журналисты, партийные и советские работники.

Из Ханты-Мансийска мы отчалили уже под вечер. Молодой город уплывал в голубоватые сумерки, светлея домами на высоком мысу, а нас уже окружало приволье могучей водной глади на устье Иртыша, еще увеличенное заливыми сорами левого берега, по которым бесстрашно брели, провожая нас, группы кустов и деревьев, и широко и редко шагали телеграфные столбы. Белый наш красавец теплоход описывал большую дугу, заходя навстречу течению Оби, отменно темному по сравнению с мутно-красными от торфа иртышскими водами. Обь сразу захватила своей неторопливой мощью, невиданной ширью. По правобережью ее далеко тянулась дремуче лесистая гряда — гора Полуденная, как бы сторожащая Ханты-Мансийск. За этой горной грядой на сотни километров сплошная тайга — медвежье царство — до полярных тундр. От такого представления становилось и жутковато, и весело: сколько еще тут дел нашим Эрвье, Быстрицким, Савельевым, Урусовым и Григорьевым! А воздух-то

какой первозданно чистый — на сотни, на тысячи километров все продувается насквозь.

Стоим на верхней палубе впереди капитанской рубки и не надышимся, и не насмотримся. Одиннадцать часов вечера, а еще светло от раскрытого до дна неба, от массы воды, источающей розовое свечение на зеркальных плесах и переходящей в атласную черноту под крутизной правого берега. Как отсвет уже гаснувших белых ночей, теплится сизовато-румяная заря.

Сколько километров по безлюдным просторам пролетел ветер с северо-востока, чтобы дохнуть нам в лицо этой речной свежестью? Сколько воды уносит в мировой океан первобытно-могучая Обь? Редко-редко на ее низких берегах, где белоногие березы, задрав подолы, стоят по колено в воде, появится что-нибудь, напоминающее о человеке: стог сена, подобие городьбы — и снова только блеск плавно идущей воды, да небо необжитое, где ни уток, ни ворон даже. Паводки в низменной этой равнине, затопляющие поймы на десятки километров, не дают птице гнездиться по берегам. Даже оторопь берет от такого космически безмолвного величия. Нигде ни огонька. И час, и два, и пять часов... Ну как можно было до сих пор жить, ни разу не побывав на Оби!

А где же юрты хантов, бывших остяков, где манси, которых раньше называли вогулами? Ведь это коренное население здешних мест, и в лоцманских картах среди условных обозначений вроде: «бровка коренного берега», «осередок над водой», «яр обрезающей и приглубый», (кстати, есть яры совсем низкие,

заливаемые в половодье) и названий татарских и русских поселков, которых очень много по рекам Туре, Тоболу, Иртышу и редко-редко на Оби — помечены юрты Медянские, Тугор-Пугорские, Лапорские, Проточные, Пугорские, Тегенские, Холдинские. Есть еще юрты Кармас-Поел, Илья-Горт, Ляксангорт, Акангорские и Шварские. Есть Илюшинские, юрты Ханы-Мужи и Нянь-гортские и юрты Тут-Вож. Одни зимние, другие летние. Живут в них рыбаки, которые зимой превращаются в охотников. Но это население — несколько тысяч человек — разбросано на всем протяжении могучих сибирских рек, причем ханты в основном кочуют по притоку Оби — Васюгану, а манси живут на Кондэ и Сосьве.

Снова вспоминаются рассказы Григорьевой о суровом таежном быте, где все богатство — олень, где женщины — смелые охотницы в тайге и вечные труженицы дома, создавшие изумительные по красоте национального орнамента художественные вышивки на одеждах, — рожали и летом, и зимой не в чуме, а под открытым небом в лесу или тундре. Рассказы о повальном пьянстве во время приезда скупщиков пушнины, о болезнях, о поголовной неграмотности.

Пьют и сейчас. Но охотники, погуляв на полученные за пушнину деньги, снова уходят в таежные дебри, где нужны меткий глаз и твердая рука, так что выпивки у них носят как бы сезонный характер.

А дети появляются теперь на свет в родильных домах и растут в люльках, обтянутых мехом — зимой, берестой, украшенных

национальным орнаментом — летом, и через школы-интернаты без страха и сомнений вступают в большую жизнь.

Для школьника, студента, инженера или врача-национала поездка во время каникул или отпуска в родные юрты — возвращение к милой всегда колыбели детства, где другие крохи в замшевых вышитых сапожках, подрастая, нянчат городских кукол и носятся с яркими книжками.

В юртах рыбаков, в стадах оленьих, на кочевых стойбищах охотников есть и нынче свои приверженцы вольного житья лицом к лицу с суровой природой, к которой они прикипели сердцем. Что это такое, поймет только тот, кто чувствует ее красоту, кто знает и радость общения с нею и победу над всеми препятствиями, которые она ставит на пути человека, и острое чувство преодоленной опасности, когда каждый мускул и каждый нерв дрожит от пережитого напряжения.

Не это ли гордое чувство влечет на север смелых и сильных людей, для которых покой и старость — одинаковые понятия? Представьте себе длинные ряды тесно поставленных балков, будто два поезда из теплушек стоят на путях. Так выглядит улица Надежд в поселке Светлом, на Пунге в Березовском районе. Отсюда идет дальше газопровод Игрим — Серов. Молодые ребята с улицы Надежд тянут нитку Пунга — Надым в Ямало-Ненецкий округ. Тяжелая, грязная работа — рытье траншей в болотистой тайге. Пот заливает глаза, а отбрось сетку накомарника — умоешься собственной кровью, так облепят

полчища комаров и крошечных, но свирепых мошек.

Ребята укладывают трубы и строят себе поселок Светлый...

Мы плывем вверх по Оби и не видим ни светлых, ни темных поселков. Вода. Небо. Далекие низкие берега. Ночь плывем — ни огонька. Утро — пустыня, только кое-где возникают знаки, отмеченные в лоцманской карте, как «береговая обстановка», да промелькнет поселок в несколько изб, где, по выражению помощника капитана, «в двух не живут, третья заколочена — надоело людям житье на отшибе, ушли на нефть».

Ночью мы поднимались в капитанскую рубку, наблюдали по локатору, как идет наш теплоход — светлое пятнышко в фарватере широкой реки. Изредка появлялось что-то живое, движущееся навстречу: баржа-самходка или буксир, толкающий длинную связку плотов. И еще новшество в судоходстве нас привлекло — глубина измеряется эхолотом: просто и быстро, не то что метать тяжелый шест в текущую глубину.

Теплоход шел уже не по Большой Оби, а по Оби Юганской — мощной протоке с массой поворотов, излучин, островов, покрытых высоко затопленным уремным лесом.

Когда мы окончательно пресытились безлюдьем реки, в глубинах которой, как желтые облака, клубилась масса ила, вдруг откуда-то сбоку вывернулась моторка, а на ней загорелый, как черт, и, как черт, голый местный житель. Вся наша писательская галерка у капитанского мостика взорвалась криком:

— Ура! Человек!

Частенько нашу писательскую братию упрекает в излишней эмоциональности. Но мне кажется, что писатель без эмоций ненатурален. Олимпийское спокойствие более пристало некоторым философам или ученым, всецело занятым своими размышлениями, а мы, как дети, общительны и непосредственны, когда находимся среди народа. Другое дело — умение владеть своими эмоциями, и это, как правило, диктуется не только сознанием собственного достоинства, но и уважением к другому человеку. И две крайности — монументальное величие возмечтавшего о себе холодного «гения» и необузданная распоясанность неврастеника или просто нахала — одинаково неприемлемы в нашем общении.

Способность живо чувствовать чужую боль и радость, острая, как в пору детства, наблюдательность содействуют творческому перевоплощению в образы создаваемых героев, а отзывчивость на все явления общественной жизни — так же, как умение разбираться в них, — увеличивает политический кругозор, помогает задумке высоко идейных произведений. Когда присматриваешься к отдельным писателям, поэтам, художникам, то видишь, что почти каждый из них многогранная, яркая личность. Яркая и во время «малодушного» погружения «в заботы суетного света», потому что даже мелочи отражают в данном случае добротность сильного характера.

Я страшно сожалею о том, что бурно стремительный темп нашей жизни лишает нас не только драгоценной возможности тес-

ного личного общения с широким кругом артистов, художников, скульпторов, но и с братьями по перу. И как горестно бывает, когда после долгих обещаний «увидеться», почитать друг другу новые главы, новые стихи, поспорить в домашней обстановке, сходить вместе в театр, узнаешь, что уже поздно говорить о встрече...

В старину практиковались литературные среды, субботы, где встречался тот или иной круг писателей. У нас пользуются заслуженной популярностью литературные вечера в ЦДЛ, где вниманию широкого кворума рекомендуют молодого автора или новое произведение маститого. Мне, кроме того, нравятся такие вот поездки по стране с бригадами писателей: во-первых, очень познавательно; во-вторых, привлекает возникающая в пути дружелюбность, тут ведь подбор — как и в былые времена — невольно происходит с известной тенденцией: люди разных убеждений вряд ли отправятся вместе в дальнее путешествие.

— Могут ли быть у советских писателей разные убеждения? — наверное, попробует поймать меня на слове какой-нибудь ортодокс.

Безусловно. Совсем не обязательно, чтобы это были глубоко идейные расхождения. Достаточно разности вкусов для создания противоположных полюсов. Помню, как мы с Федором Ивановичем Панферовым пытались «на почве объединения сил» завязать дружеские отношения с некоторыми литераторами, и все шло отлично, пока не вспыхивали споры по произведению того или иного писателя,

поэта, драматурга, и сразу возникала глухая стена.

В этой тюменской поездке мы не ощущали в своей бригаде никакой отчужденности. Наши вожаки — ярко самобытный сибиряк, секретарь СП СССР, автор больших интересных романов о Сибири Георгий Марков и талантливый поэт, блестящий острослов Алим Кешоков владели нашей общей симпатией и, открывая встречи с читателями, сразу создавали теплую обстановку в аудитории. А среди нас было много известных в народе, появление которых отмечалось общими аплодисментами; стоит назвать имена Павла Нилина, нашего философа Григория Коновалова, С. С. Смирнова, поэтов: Григола Абашидзе, москвичей Виктора Бокова и молодой, одаренной Ларисы Васильевой, калмыка Михаила Хонинова, здешнего северянина Ювана Шесталова. Перечислить всех — полсотни фамилий — невозможно.

Конечно, мы, прозаики, не читали отрывки из своих произведений, а просто появлялись перед читателями, чтобы показаться им и заявить: живы, здоровы, трудимся над такими-то произведениями, зато поэты, декламируя свои стихи, пользовались успехом настоящих артистов эстрады. Я тоже люблю поэзию и с удовольствием слушала поэтов и, не уставая, аплодировала народным сказам Василия Пухначева, и юмору башкирского писателя Анвера Бикчентаева, и выступлениям драматурга Александра Штейна, хотя он выступал так же, как мы, прозаики.

И вот — все такие разные — мы, словно малые дети, возликовали, увидев на широ-

ченной реке одинокого человека в моторной лодке. Это (как появление чаек в открытом океане говорит о близости земли) показывало, что мы приближаемся к жилому району.

Действительно, вскоре мы рассмотрели далеко над лесами равнинной поймы бледные силуэты редко стоявших елочек. Это были вышки Нефтеюганска, первые нефтяные вышки, которые мы увидели на Тюмени! Невольное волнение охватило нас: наш теплоход подходил к знаменитому Тюменскому меридиану.

Особенно взволновался обский уроженец — поэт и прозаик Алексей Смольников, которого мы называли просто Алеша, так молод он был с виду, хотя покинул здешние места по призыву на фронт Отечественной войны.

— С тех пор ни разу не сумел навестись сюда, и теперь так радостно смотреть на все перемены в родных поселках.

Тюменцы приветствовали своего земляка-писателя горячо, и это тоже по-хорошему взбудораживало и волновало Алексея Степановича.

Запомнился его рассказ о том, как он еще подростком горел на катере во время бескрайнего обского половодья. Спас его старик, висевший за бортом на якорной цепи. Стащив опаленного пожаром мальчика в ледяную воду, он, сам заоченев, удерживал его, пока не подоспели спасители-речники.

Глядя на низкие берега, где добывали черное золото, на пламя гигантских факелов возле скважин, которое, высоко вздымаясь,

стелилось нижним краем чуть не над поверхностью реки (горел попутный газ), мы вспомнили слова бывалых журналистов, сравнивавших огни поселков и факелов Тюменского нефте-газового меридиана с сиянием Млечного пути. Среди черного безлюдья огромных северных пространств, огни в ночи почти от Тюмени до Салехарда и Новопортовского газового месторождения на Обской губе, от нефтяных городов Среднего Приобья до сказочно богатых Уренгоя и Тазовского — наверное, в самом деле, выглядят с борта реактивного самолета космическим зрелищем.

По тому, как буйно бушевало здесь вечное пламя факелов, можно было судить о богатстве нефтяных скважин.

Завиднелись дома на улицах, далеко растянувшихся над желто-зеленой каймой глинистого берега, но наш теплоход, вместо того чтобы отправиться к пристани, остановился на рейде. Был День Военно-Морского Флота, и команда «Ленинского комсомола» собиралась воспользоваться остановкой, чтобы провести праздничные соревнования между матросами палубы и машинного отделения. А нас пересадили на два катера, и мы понеслись в дальний угол большого затона, тоже окруженного улицами двухэтажных новых домов.

Городу всего два с половиной года. Возраст ясельный, а жителей уже около двадцати пяти тысяч.

Первыми на поглянувшийся им дикий берег ступили геологи Эрвье, Салманов, Ровнин и Виншток, приехавшие на катере из расположенного чуть выше по Юганской Оби

рыбацкого стана в устье реки Балык. Они искали подходящее место для поселка, название которому подобрали, когда остановились на ночевку, приткнувшись к берегу. Но Эрвье и других товарищей на другой день ожидал самолет, и Фарман Салманов по их поручению осматривал детально всю площадку один.

Мне представляется, как этот отчаянно смелый человек стоял среди таежной чащобы, продираясь сквозь колючие ветки и кустарники, упрямо сжимая твердые губы. Он — открыватель первой нефти в Сургутском районе — прокладывал в будущем Нефтеюганске первую стежку-дорожку.

Сургутский исполком название одобрил. А в 1964 году организовалось нефтепромышленное управление «Юганскнефть».

День был солнечный, безветренный, когда мы подплывали к берегу, а недалеко от реки, выше домов, вздымались облака желтой пыли: на аэродроме принимали «на грунт» вертолеты и самолеты «ЛИ-2».

Берег оказался сплошь заполненным народом, но не ради нашего приезда пришли сюда нефтеюганцы. Они отдыхали по случаю выходного. Масса людей, загорелых, как в Крыму, сидела, лежала, занималась едой у скатертей-самобранок, разостланных среди пней. Желтый, обрывистый берег, с которого повсюду свешивались подмытые корни, был буквально усыпан народом: взрослые и дети, молодежь и пожилые в одних купальниках и плавках веселились вовсю, оглашая местность криками, смехом, песнями, гоняли по воде мяч, плавали, брызгались, катались на

лодках. Полная белотелая женщина в красном купальнике забрела по грудь в залив и стояла среди островка зеленых водорослей, раскинув руки, неподвижно и удивленно, словно русалка, смотрела на подходившие катера.

— Вот это да! А что же думают комары? — говорили писатели, глядя на необыкновенный пляж.

— Комары тоже выходные сегодня. А может быть, их отпугивают запах нефти и горящие факелы?

— Все на гулянье, перед кем же мы будем выступать?

Но нас встретила целая группа представителей власти, администрации, общественности и повезла смотреть город.

В самом деле настоящий город, где все, как и поразивший нас пляж, говорит о его молодости: недавно проложенные дороги с еще не убранными кучами корней и пней по обочинам, новехонькие двухэтажные дома, тоненькие, точно былинки, березки, посаженные вдоль улиц прямо в желтую глину. Лес вырубил начисто, и стоят новорожденные кварталы, открытые всем ветрам, как в тундре...

Один из встречавших сказал по этому поводу:

— Боялись, чтобы самолеты не задевали за верхушки деревьев.

Другой пояснил резоннее:

— Здесь тонкий и слабый растительный покров от того, что близок уровень грунтовых вод и сам грунт болотистый. Лес не имеет развитой корневой системы. Если его оста-

вить в городе и расчистить, деревья, выросшие в тесноте, лишась опоры, будут падать. Посадки надежнее.

На этом краю Нефтеюганска поселок строителей и Усть-Балыкская контора бурения. Директор ее — бывший моряк Александр Николаевич Филимонов — человек могучего сложения и твердого, жизнерадостного характера, не сожалеет о том, что перешел на нефть:

— У нас здесь свое море нефтяное, — говорит он с гордостью. — Наступаем на тайгу, как морская пехота. Жилые дома строим и нефтепроводы, товарные парки и разные станции: насосные, для очистки нефти, перекачечные, прокладываем намывные дороги из грунта, крытые бетонными плитами. Скоро и поезда здесь зашумят. Только успевай разворачиваться, чтобы не упустить чего. Но в этом-то и заключается красота жизни! Технику разную нам подбрасывают со всех сторон, но много ее требуется из-за борьбы с болотами. И тут наша советская болотная техника оправдывает себя лучше канадской.

Видно, что Филимонов успевает «разворачиваться» и от культурной жизни тоже не отстает. По крайней мере, нас, писателей, он сразу взял под свое богатырское крыло, и надо было видеть, как сияли его глаза, когда он получил от нас книгу с автографами.

Раньше — до появления Савельева и Салманова с их разведчиками — на Усть-Балыке было стойбище хантов — несколько юрт, а теперь отсюда берет начало знаменитый нефтепровод Усть-Балык — Омск длиной в тысячу километров. Тут работают знатные

люди, которыми гордится не только Нефтеюганск, но и вся область. А имена буровых мастеров Аллаярова и Сергеева, недавно установившего новый рекорд в бурении, известны далеко за пределами Тюменской области.

Чтобы посмотреть буровую Сергеева, поставленную на железнодорожные рельсы для бурения пяти наклонных скважин с одного куста, мы садимся в автобусы и отправляемся в тайгу. Лес тут, действительно, чахлый. Березы, сосны, тонкие кедры. Вдоль шоссе, рядом с его намывной насыпью, как будто ураган прошел: деревья лежат сплошным настилом вершинами в одну сторону. Всюду малиновые заросли цветущего иван-чая. Вода блестит и в лесу, и на лугах, где разлив Оби в прошлом году был еще выше нынешнего почти на метр.

Буровая у Сергеева обычная (глубина скважин до 2200 м), но стоит она на железнодорожной платформе. Когда закончат бурить скважину, подойдут несколько тракторов и гусеничных вездеходов и, разваливая черную грязь, перетащат вышку по рельсам на несколько метров вперед, чтобы бригада могла снова забуриваться с ноля. Получается огромная экономия времени и средств, потому что в Тюмени летом вышку не перетаскишь, как это делается в Башкирии или Татарии. Здесь вышки перетаскивают по замороженным ледовым дорогам или отдельными блоками на вертолетах. Болотистый грунт сковывает каждый шаг. И там, где плавун доходит до двенадцати метров, под постройки забивают сваи.

А строительство здесь идет действительно большое. Чего стоит одна дорога от Нефтеюганска до Сургута с железобетонным покрытием.

С буровой Сергеева Филимонов, управляющий трестом «Нефтеюганскгазстрой» Тригубенко Иван Иоаннович и начальник Усть-Балыкской экспедиции Леонид Николаевич Галян повезли нас на термохимическую установку, где делается очистка нефти.

Глядя на светящиеся серебрянкой аппараты и резервуары, опутанные сетью проводов и труб, на гудящие вертолеты, которые то и дело с ураганным гулом проносились в воздухе, испытываешь бодрящее ощущение перспективной молодости промыслов.

Тригубенко приехал сюда из Кременчуга — « всю жизнь строитель ». Он с огоньком, с задором говорит о местных трудностях, любовно рассказывает о студентах, приезжающих каждое лето из Киева в Нефтеюганск, начиная с 1965 года.

— Распределение сделано по решению ЦК комсомола. Работают ребята, как звери.

— Где вы видели работающих зверей?

Иван Иоаннович смеется:

— Так уж принято говорить!

— А девчата!

— Девчата тоже работают... — он замялся, видимо, не решаясь сказать « как звери ». — Безотказно трудятся. И в клубе самодеятельностью занимаются наравне с ребятами. Все же танцорки, певуньи. И модницы, конечно. От Москвы не отстают. На работу в ватниках и брюках, а на вечер с голыми коленками. Плачут, да бегут.

— От ваших комаров можно заплакать!

— Нас еще мошка одолевает — москиты таежные. Глядеть не на что, а укусит другой раз — как током дернет. Так и подпрыгнешь. Но жизнь идет полным ходом. Клубы и кафе у нас хоть куда!

Заглядываем в Дом культуры нефтяников «Юность». В просторном фойе — мозаичное панно, с большим вкусом выполненное тюменскими художниками. Зрительный зал в стиле «модерн» на шестьсот мест. Освещение, цвет, вся отделка стен, потолка, сцены радуют глаз.

Укладываются перед Домом культуры на центральной площади бетонные плиты, строится кинотеатр на шестьсот мест, уже действует в городе больница на сто двадцать коек. В домах — газ, водопровод, центральное отопление.

Темпы строительства здесь стремительные, права Григорьева, когда завидует нефтяникам, — бюджеты и планы у них широкие.

Глядя на светлые окна домов, на витрины магазинов, снова думаю о том, что только в нашей стране силами наших людей, вооруженных всей мощью новейшей техники, можно было за такой короткий срок буквально перевернуть эти районы, не доступные для прежних искателей счастья в одиночку. А как заботятся о добытчиках нефти в отдаленных районах современные капиталисты? Да разве они подумали бы о том, чтобы создать людям хорошие условия жизни? Наоборот, выжали бы из них с лихвой все затраты и на трудности разведки, и на расходы по бездорожью.

За все про все ответил бы своей шкурой рабочий человек. Не забыли еще нефтяники Азербайджана, как жилось в старом Баку. Не зря в Англии и нынче не пускают туристов в угольные районы, хотя в этой стране, казалось бы, мало помех для добычи природных богатств. Не секрет и то, как живут нефтяники в англо-американских концессиях на Ближнем Востоке и в странах Латинской Америки. Кому там нужно заботиться о здоровье и культурных нуждах населения?! Всяк заботится только о себе, о своем кармане.

Смешно было бы даже подумать об устройстве там встречи писателей с жителями какого-нибудь «богом проклятого» рабочего поселка. Да и читают ли?.. Нашлись бы или нет любители литературы — такие горячие поклонники стихов, какие у нас водятся в самых отдаленных районах на любом промысле, в тайге, в тундре, на островах Заполярья? По опыту дальних поездок по нашей стране мы убедились: чем отдаленнее от центра, тем живее интерес у людей к науке, культуре, литературе, ко всему, что творится в мире.

А здесь, в тюменской тайге? Не подавили ли азарт борьбы с причудами коварной природы, и недостаток времени, и физическая усталость тягу к чтению? Ладно уж, нечего волноваться и загадывать! Увидим...

Выступали мы в громадном клубе строителей, еще не совсем законченном по внутренней отделке. В «Юности» встречу проводила другая половина нашей бригады во главе с Георгием Марковым. Народу, несмотря на выходной день и прекрасную погоду, на-

бралось полно. Девчата, занявшие первые ряды, красовались модными прическами, яркими летними нарядами и, конечно, голыми коленками. Милые девчонки! Чего только не вытерпишь моды ради!

Сразу заметила я посредине зала и большую группу киевских студентов, которые недавно, поблескивая на солнце буро-загорелыми спинами, рыли глубокую канаву, «работали, как звери». Сейчас они сидели смиренно в синих комбинезонах с нашивками, будто отдыхали после яростного труда. И весь «нефтяной народ» сидел в зале так тихо, с таким напряженным вниманием слушал, что даже трудновато было говорить. Только по блеску глаз, да по оглушительным дружным аплодисментам можно было судить о том, как доходили наши выступления. Разведчики в Правдинске нам кричали: «Мало! Давайте еще!» А тут скованность, будто боятся проронить слово...

Наш председатель поэт Алим Кешоков, блестящий остролов и симпатичнейший человек, заметив эту скованность, начал шутить, то и дело вызывая улыбки на сосредоточенных лицах слушателей, давая понять, что мы приехали не поучать их, а просто поговорить по душам.

А выступающий с тонким юмором башкирский прозаик Анвер Бикчентаев, автор превосходных повестей о юношестве, так расшевелил строителей своими забавными историями, что они стали смеяться, как дети. Да, это были настоящие поклонники литературы, любители книг и стихов, очень много ожидающие и требующие от нас, писателей.

Богатырь Филимонов горячо поблагодарил нас от имени нефтеюганцев, а после ужина вместе со своими товарищами проводил на катере до теплохода, и все время чувствовалось, что для них, книголюбов, наш приезд был праздником.

Мы отплыли из Нефтеюганска с сожалением: сюда надо приезжать, конечно, не на один день!

Миновав две-три деревеньки и несколько вышек, возле которых горели факелы, представлявшие ночью фантастическое зрелище, мы подошли к Мегиону... Тут на устье речки Мега были когда-то юрты, а теперь большой поселок, где живут нефтяники. Мегионское месторождение находится немного в стороне от Оби. О нем писал в превосходном очерке Евгений Лучинецкий, горько сокрушавшийся о том, что мегионцы заливают своей нефтью реки и озера.

Многие утешаются тем, что иначе нельзя, что нефть при добыче расплескивается повсюду. Но это плохое утешение: утечка нефти — свидетельство низкой культуры производства. И когда нам рассказывали в Ханты-Мансийске об упадке рыбных промыслов на Оби, славной прежде именно деликатесной рыбой, и когда мы плыли по безлюдно-величавым просторам, все удручала одна и та же мысль: оказывается, можно очень легко загубить из-за проклятой небрежности и беспечности и такие громадные пространства. А ведь Мегион — это слава мужеству советских первопроходцев-разведчиков, наша гордость и богатство. Его база и перевалочная пристань уже перед нами — живописные группы бе-

лых зданий на правом берегу — серебряные резервуары баков, суда, теснящиеся у причалов: катера, буксиры, нефтеналивные баржи. Но вода в реке так и отсвечивает радужно-маслянистой пленкой. Вот она, упущенная нефть, — погибель всему живому в Оби.

— Тут, в Мегионе, наливают нефтью баржи, но делают это не чисто, — говорит старый обский рыбак, едущий по Оби, может быть, в тысячный рейс. — Еще водка «помогает»: то пьяные грузчики, то с похмелья. А вода в реке глохнет, когда пленка сверху образуется, и рыбадохнет. — Он мрачно, почти ненавидяще смотрит на нефтебазу: баки и белые здания станции перекачки, расположенные на низком берегу, за которым свинцово отсвечивает «заливной сор», на вышки, виднеющиеся повсюду, горящие красные факелы и черный дым нефти, которую сжигают в ловушках. — Все равно половодье слизнет отсюда снова достаточное количество этого черного золота, чтобы до самого Салехарда, до Обской губы шел мор рыбы, да какой рыбы? Муксун — царская закуска. А где он теперь, муксун-то? Не столько выловили, сколько потравили.

Грустно становится от слов старого ворчуна, но возразить нечего: осваивая одно богатство, мы варварски уничтожаем другое. Конечно, нельма и щекур, не говоря уже об осетрах и стерляди, становятся редкостью и в Тюмени, а о сосвинской селедке мы, москвичи, и слыхом не слыхали, как и о муксуне, белое мясо которого, когда рыбу бросают в рассол живьем, делается таким нежным, что просто тает во рту. Почему скудеет рыбное

хозяйство колоссального водного бассейна? Нельзя ли кое-что изменить в практике нефтедобычи, учитывая и низменность пойменных нефтеносных земель, и мощность половодий? Вначале обустраивать площади, а потом раскупоривать подземные кладовые. Разве мы недостаточно богаты для этого? И налив барж вести под строжайшим общественным контролем.

Вон что делает Обь, когда дурит в половодье: в большой деревне Луговая Суббота сплошь мертво желтеют загубленные пашни и луга, занесенные песком.

За Мегионом, выше по течению, то и дело встречаются вышки и факелы с заревами вполнеба, колеблют ночью ширь реки кровавыми отсветами. А я торчу на палубе день и ночь и все думаю о нашей жизни, о работе, о дорогом обходящихся промашках в ней, о людских судьбах, таких хрупких в отдельности, подвластных тысяче случайностей, но вместе образующих могучий жизненный поток, который не остановишь ничем.

Какое отношение имею я к этим местам? Что общего у меня, дальневосточницы, с этой рекой, расхлестнувшей свои воды в плоских берегах на десятки километров, разодранной на сотни лент-проток, которые влачатся рядом с коренным руслом среди островов, замшелых лесов и болотных трясин? То ли дело моя Зeya, разрезавшая, как стальной клинок, горные отроги Станового хребта. А гордый, холодный Алдан, а чистая Колыма? Даже Амур — река желтого дьявола, даже Енисей с его бурным порожистым течением — как-то ближе моему сердцу. Но

именно здесь, в пустынном еще бассейне Оби,— истоки моего рода. Мать с Томи, отец с Тобола, но жизни их навсегда слились с верховьями далекого Амура.

А для меня, как и многих людей моего поколения, вся страна — дом родной, потому что мы до бесконечности расширили географию своей судьбы. Стирает ли это привязанность к стчим краям? Помню, мне встрети-лась женщина, которая никогда нигде не бывала, до старости прожила в одной избе и спала только на одной своей кровати. Казалось бы, ей дела нет до того, что творится за пределами ее двора, ее села. Но надо было видеть, с какой жадностью она слушала рассказы о Москве, о дальних краях. И радио в ее доме не выключалось даже тогда, когда все спали.

Какой же вывод? Мы, советские люди, при всей нашей разности, как зерна в колосе. Если одни проросли, упав возле родного корня, то другие, занесенные за тридевять земель, дадут точно такие же всходы. Поэтому, где бы мы ни находились, нам дорог каждый клочок родной земли, близки все ее дела, большие и малые.

День ветреный и пасмурный. Погода, на редкость баловавшая нас во время поездки, начинает портиться, но на теплоходе нашей большой дружной компании все равно хорошо. Ближе знакомимся друг с другом, делимся впечатлениями, говорим о планах работы. По роду своей профессии, когда мы разобщены письменным столом, нам часто приходится молчать целыми днями: рукопись, записные блокноты, тетради, книги, опять ру-

копись — и так иногда месяцами. Но вот мы собрались вместе, и разговорам нет конца. Я люблю и посмеяться, и серьезно поговорить. Поэтому после долгого сидения над рукописью мне особенно нравится быть на людях. И как-то всегда складывается так, что новые друзья тоже любят шутку, и в свободные минуты хохочем порою до слез. Товарищи по бригаде спрашивают:

— Над чем вы так потешаетесь? Мы завидуем. Анекдоты?

— Нет, я их не люблю.

— Злословите?

— Тоже нет. Просто нам хорошо, когда мы встречаемся.

В такой дружной компании никакие рабочие нагрузки в поездках не страшны. Встречи с газетчиками и прототипами будущих литературных героев. Вертолеты. Самолеты. Автобусы. Катера. Путешествия пешком. Осмотры заводов, библиотек, музеев, выступления по несколько раз в день — ничто не утомляет.

Приближаемся к Нижневартовску... Заранее волнуемся и радуемся: где-то здесь близко — Самотлор, который нам обещали показать. Это фантастически богатое нефтяное месторождение, открытое совсем недавно в сплошных болотах. Само слово Самотлор означает в переводе — «мертвое озеро», а некоторые переводят его как «ловушка». Оба названия не очень привлекательны.

Нижневартовск уже разворачивается перед нами группами серебристых нефтяных баков и грудями стройматериалов на первобытно голом глинистом берегу. Мешки под

брезентом, кирпич, навалы красно-ржавых труб. Местами с обрыва невысокого берега свисают до самой воды, как черные кошмы, тонкие пластины подмытого торфа.

За милыми сердцу запасами новостроек — одноэтажные деревянные дома, дальше зеленеет лес. У пристани — масса судов — настоящий порт, а на пойменной стороне реки густая, как будто нетронутая, урема. Где-то здесь бурил неудачную скважину Фарман Салманов, а потом, не ожидая распутицы, самовольно перебрался в Мегион, на площадь, подготовленную геофизиками его экспедиции. И хлынула первая нефть Приобья.

Как и в Нефтеюганске, садимся на катера, чтобы попасть на аэродром. Первый маршрут — на Самотлор. От вахтенного причала возле торфяных пластин гурьбой двигаемся по тротуару из бетонных плит, уложенному прямо на торф. Сразу чувствуется, что в плохую погоду грязища тут жуткая. И вот перед нами «аэродром» — деревянный промазанный настил метров пятнадцать на пятнадцать из толстых досок, сколоченных железными скобами-скрепами. Для вертолетов и их пассажиров площадка достаточная. Кругом раздавленный колесами машин, распорченный тракторами тощий торфяник сейчас сухой, упруго оседающий под подошвой. Из черной дернины торчат, как белые кости, обглоданные стальными гусеницами вездеходов остатки кустов и деревьев.

Летим. Из окон вертолета видны шершавая кочковатая земля, покрытая чахлыми деревьями, голубовато-коричневые и желто-

зеленые плечи — не то трясына, не то вода на торфяниках, и масса озер больших и малых, темных и светлых. Ни на что не похожая местность, как во сне, как в легенде о сотворении земли; твердь, еще не отделенная от воды, цвет, какого нигде не увидишь, разве что в плохо заснятом фильме.

Основательно был запрятан от геологов Самотлор, запасы которого огромны. И все-таки нашли его недавно! Значит, сейсморазведка на озерах, а потом бурили. Может быть, на железнодорожных платформах и рельсах с одного куста или весной — в мае-июне бурили на болотах, подтаскивая вышку по «ледовым дорогам». Дороги вроде погреба, набитого льдом... Осенью намечаются буровые точки на линиях. Когда начнутся морозы, на этих линиях счищают снег и мох и промораживают болото до полутора метров, все время убирая снег. В марте на эти полосы нагребают очень толстый слой мха, торфа, песку, укатывают, а весной везут вышки на замороженные таким же способом на точках квадратные площадки.

Немудрено, что именно в Тюмени родился совершенно фантастический метод — впервые в мире буровые вышки передвигаются на воздушной подушке. Мне эту диковину увидеть здесь не удалось, я даже представить ее себе не могу, хотя много раз бывавший в Тюмени наш общий друг Иосиф Зиновьевич Осипов, очеркист и кинодраматург, продемонстрировал нам перед поездкой в ЦДЛ, а потом в Тюмени несколько интересно сделанных им документальных фильмов о здешних нефтяниках.

Видела, как передвигаются вышки через горы, как плавно и горделиво, точно королевы, идут они, окруженные тракторами по полям и лугам Башкирии и Поволжья, как переплывают через широкие реки в Татарии, но каким образом многотонная, сделанная из стальных блоков каланча сорока метров высотой пойдет по воздуху, нагнетаемому громадным вентилятором под ее основание, одетое хлорвиниловой «юбкой» — попробуйте вообразить сами.

А сейчас внизу уже показался Самотлор — большое темное озеро. Почему его называли мертвым, если местные жители уверяют, что в нем водятся окуни и щуки? Название «ловушка» больше подходит: выбраться отсюда летом, наверное, было невозможно — вся окрестность продырявлена бесчисленным количеством больших и малых озер, и трясина вокруг, хлябь. Вот и факел пылает на кромке берега, отвоеванного у болот, откуда тянется к более сухим местам, к дороге в Нижневартовск лежневка — настил по болоту из бревен. Ехать по нему на машине — душу вытрясет, но других путей пока нет: бетонная автострада, которая сделает кольцо вокруг Самотлора с витком на промысел, только еще строится.

Промелькнул еще один факел, на высокой трубе, горевший в небольшом озерке, похожем на пруд — рядом клубился белый водяной бурун — газ пробивался.

Приземляемся на такой же деревянный настил, как в Нижневартовске. Пока выгружались, прилетел другой вертолет и, поскольку площадка была занята, «завис» над

самой землей. Прибывшая смена рабочих прыгивала на сырой торфяник.

В осушении местности здесь, оказывается, не очень заинтересованы, потому что вода предохраняет нефтепромыслы от свирепых лесных пожаров: торф кругом! Стоим на легендарной земле. Перед нами тротуар — доски, бревна, положенные прямо в черную грязь, местами залитую красноватой водой. На гривках тощие деревца, сколько глаз хватает — болота, вода, мох да кочки. Какое гиблое место! Как здесь жить? Как работать? Но патриоты Самотлора с гордостью говорят:

— У нас самые богатые скважины в стране. Некоторые дают до полутора тысяч в сутки. У нас большое жилое строительство в Нижневартовске, где мы живем постоянно, а сюда на вахту — на вертолетах.

Вышки здесь тоже на рельсах. Бурение кустовое, по 5—6 наклонных скважин с одной точки. Так что забой уходит от устья на сотни метров в сторону, проходя и под дном озер.

На Самотлоре уже действует кустовая насосная станция, берущая воду из скважин для закачки в пласт, газотурбинная установка, где используется попутный газ, дожимная насосная станция, куда стекается вся нефть Самотлора, которая идет потом на центральный товарный парк и в нефтепровод Усть-Балык — Омск.

В стороне от низких производственных зданий, от серебряных резервуаров строятся три новых дома — общежитие для промысловиков. Осенью и весной, когда погода

нелетная, вахта сможет оставаться здесь. Пока поселок временный: столовая в вагончиках, буровики и монтажники тоже живут в таких «балках».

— Как вам здесь нравится? — спрашиваем молодого оператора добычи Александра Мацкевича, недавно демобилизованного из армии.

— Хорошо живется, — говорит он. — Работа интересная и весело, потому что в основном у нас молодежь. Сутки на вахте, три дня свободен. Зарботки достаточные. Снабжение хорошее. А трудности? Да мы к ним уже притерпелись!

Шагаем по тротуару в туфлях осторожно, а навстречу чуть не бежит молодая хорошенькая женщина с пробирками нефти в руках. Знакомимся. Илиза Ахметшина из татарского нефтяного города Альметьевска — научный работник, руководитель сектора. Она ездит сюда из Тюмени уже шесть лет и тоже очень довольна своей работой. Ведь это гиблое с виду место, в самом деле, ловушка, которая уловила и сберегла для нас сказочные богатства, создающие добрую славу тем, кто трудится здесь от всей души. Нам уже известны имена заслуженных буровых мастеров: Григория Норкина, получившего здесь первый фонтан нефти в мае 1965 года, Владимира Шидловского, бурильщика Сергея Феоктистова, награжденного орденом Ленина. А теперь здесь работает молодое поколение, и едут сюда люди со всего Советского Союза. Но остаются только сильные, сдруженные работой, у которых, как говорят нефтяники, нефть в крови.

Водит нас от установки к установке главный инженер Нижневартовского нефтепромыслового управления Золин Борис Константинович, приехавший сюда из Куйбышевского нефтеуправления в Первомайске. Он рассказывает нам о чудесной железобетонной дороге, которая скоро опояшет жемчужину Сибири — Саяногорск.

— Один километр ее стоит миллион рублей: каждая плита с доставкой обходится в пятьсот рублей, да насыпь в таких местах, где в жидком торфе дна не достанешь... Но все это окупится быстро. И тогда мы оседлаем свою технику по-настоящему. А сейчас тягач вытаскивает вездеход, вездеход выручает из болота тягач, или оба садятся так, что у буксиров канаты лопаются. И все это в уже обжитой нами зоне! В тайгу соваться не только летом, но и зимой из-за незамерзающих болот-«живунов» невозможно, пока топографы не составят карты и не прорубят просеки. Недалеко от центрального товарного парка будет у нас свой газо-бензиновый завод, будет мехколонна, поселок строителей. Сейчас нефть гоним отсюда в Мегион на баржи, на танкеры — и в Омск. Но это пока строится нитка нефтепровода с нашего товарного парка на Анджеро-Судженск.

Услышав, что Золин из Первомайска (где мы с Федором Панферовым бывали в 1957 году), я спросила, не знаком ли он со знатным буровым мастером Сабирзяновым, который является одним из прототипов моего Яруллы Низамова в романе «Дар земли»?

— Ну, кто в Куйбышевнефти не знает Сабирзянова! Сейчас он уже на пенсии, живет

в Первомайске. Старший сын его Володя работает главным инженером бурового треста в Сургуте, младший Александр — в Куйбышевском нефтепромысловом управлении в Нефтегорске.

Володя — Ахмадша! Меня так и опажнуло холодком волнения: словно наяву представились плюшево-зеленые холмы и плодородные поля Татарии, ласковый шум ее березовых и липовых рощ, по колено утопающих в густых травах, белокаменный, навсегда полонивший сердце Лениногорск и город на живописном берегу красавицы Камы Нижнекамск, которого тогда еще не было и который я «построила» раньше — в романе «Дар земли».

Вот как сливаются быль и небыль, когда дышишь одним воздухом с героями своих произведений! Но то уже в прошлом. Не обновленная сказочными нефтяными богатствами Татария, не прекрасная Башкирия, не нынешний красавец Баку, светящийся по ночам, как алмазное ожерелье на темно-смуглом горле Каспия, а вот эта с виду убогая и страшная земля зовет и волнует. Чем же зовет она? Новизной и богатством открытия, воистину открытия века? Героизмом ли таежников-первопроходцев или волнующими перспективами?

Как бы то ни было, но уже опалила ознобом и жаром та лихорадка, что предвещает новые и новые встречи, когда из массы впечатлений, жадных поисков, мучительно острых порою размышлений возникнет идея романа и начнет расти и оформляться очередной творческий замысел.

Едем на автобусе по Нижневартовску к клубу, где должны выступить перед читателями.

— Город нефтяников начал строиться с 1965 года, а раньше здесь было обычное сибирское село,— говорит инженер, приехавший сюда из Альметьевска.— У нас уже действует водопровод. Бытовой газ в дома даем пока в баллонах, но перспективы тут широкие. Строим больницу в Нововартовске на 280 коек, а в старом Вартовске действует маленький стационар. Скорая помощь у нас курсирует на вездеходе.— На лице инженера играет усмешка, и не поймешь, шутит ли он или говорит всерьез.— Условия-то, а? Не то, что в Альметьевске или Лениногорске! Бывали там морозы. Бураны бушевали, переметали пути-дороги, но ведь никакого сравнения со здешними морозищами! А мы ими не нахвалимся! Куда бы мы тут без морозов? Болото на болоте! А ничего, обустроиваемся. Зима у нас — самое хорошее время.

Автобус ныряет на ухабах. Улицы нет. Едем прямо на балок с беленькими занавесками на маленьких оконцах, круто поворачиваем и чуть не наезжаем на барачек с плоской крышей, возле которого полощется на ветру сохнувшее белье. Вильнув в сторону, огибаем груды белесоглинистой земли, круто замешанной в колдобинах и клубящейся мельчайшей пылью на возвышенных местах. Останки деревьев, искореженных тракторами, похожи на растерзанные трупы на поле боя. Лес тут, как и в Нефтеюганске, уничтожили, а озеленения нового еще нет. По дну оврага, рядом с будущей улицей, суетясь, течет

речушка-крохотушка, торопится отдать Оби свои красноватые от торфяного настоя воды.

Наконец наш автобус застрял в грязи намертво. Вытягивал его мощный грузовик «Урал». А мы смотрели в окна на другую нашу писательскую бригаду, которая под предводительством Георгия Маркова шла пешком вдали по шоссе и, заметив нас, явно злорадствовала: их автобус тоже буксовал в ямине.

И все нам казалось веселым приключением, потому что люди, которые приедут сюда через два-три года, уже не поверят тому, что на улицах можно было вот так «сидеть» в грязи. Когда мы, двинувшись дальше, увидели в чудом сохранившемся лесочке избушки на курьих ножках, самовольно построенные жителями, а неподалеку большой клуб строителей с мозаичным панно на стене, с ярко освещенным фонарем сплошь застекленного фойе, нам наглядно представился контраст между вчерашним и завтрашним днями нефтяного города.

Провели встречи в клубах и уже подумывали об ужине, но вдруг нас с ходу перехватили и потащили выступать... на телевидении. Вот вам и еще одна яркая деталь: в городе тысяч двадцать жителей и уже свой местный, как в Горноправдинске, телевизионный центр!

Когда я вижу на фоне нового для меня городского пейзажа ажурный контур телевизионной башни, сразу падает настроение. Тот, кто не сидел в ослепительном и жарком свете прожекторов перед двумя камерами, то почти вплотную подъезжающими к тебе со свои-

ми загадочными смотровыми щелями, то сверлящими прицелом издалека, тот не поймет беспомощного состояния и даже страха пойманной в объектив «жертвы». Благо тому, кто привык! Ладно тому, кто читает по бумажке, не обращая внимания ни на камеры, ни на висящие над ним микрофоны!

У меня, честно признаюсь, возникает ощущение холода в груди, леденеют руки и возникает страшный соблазн — встать и уйти, пока еще не поздно. Какое усилие надо сделать, чтобы выгладеть хотя бы полуживым человеком, заставить себя вообразить, что за этим бьющим в лицо светом, за этими стенами и слепыми стеклами есть слушатели, в том числе твои друзья-читатели, которым интересно посмотреть на тебя. Но что смотреть, когда родная мать иной раз не узнает тебя на экране телевизора!

Однако, как говорится, «массы требуют», и ты нет-нет да и выступаешь; так, будтоходишь в один дом, обращаешься к одной аудитории, стараясь не думать о том, что тебя слушают десятки миллионов людей, которым нужны не только замечательные артисты, но и хорошие ораторы.

Мы выступили в Нижневартовске перед телезрителями, как были с дороги, непричесанные, небритые. Но разве геологов, строителей и нефтяников удивишь этим? Город у них тоже еще не причесан, а зато каков завтрашний день! И, как в Нефтеюганске, во всем сказывается кипение молодых сил, веяние больших дел. И наши встречи с читателями прошли на подъеме в очень теплой, дружеской атмосфере.

На другой день мы плыли в Сургут, откуда самолетом нам предстояло лететь в Тюмень.

Сургут на языке ханты значит — рыбное место. Основан он по указу царя Федора Иоанновича воеводе Барятинскому в 1593 году.

Нам с борта теплохода он — развернутый над излучиной реки белый город — представился настоящим морским портом, заслоненным массой судов, стоявших у причалов и на рейде, за которыми двигались гигантские порталные краны. Мы уже знали, что Сургуту предстоит большая роль в освоении Ханты-Мансийского округа и всего севера Тюмени. Здесь строится громадный речной порт, прокладывается нефтепровод, ударно сооружается ГРЭС мощностью 2 400 000 квт, которая впервые в стране будет работать на попутном газе, ведется через пойму Оби труднейший участок пути навстречу железной дороге Тобольск — Сургут. В целом этот Сургутский комплекс объявлен Всесоюзной ударной комсомольской стройкой.

Мне очень хотелось побывать на строительстве ГРЭС. Ведь это первая попытка широко использовать попутный газ, миллионы кубометров которого (да что там миллионы — миллиарды!) сгорели в факелах, десятков лет пылавших на нефтепромыслах Башкирии, Татарии и всего Поволжья, а теперь пылающих и в Западной Сибири.

Когда на фоне зарева в полнеба появится такой факел на пойменном берегу, то с теплохода кажется, будто пламя встает из воды. Факелы горят возле тюменских нефтяных скважин повсюду. И чем больше нефти дает

скважина, тем сильнее бушует дико ревущее пламя над устьем невысокой черной трубы. Какие колоссальные богатства летят на ветер! Ведь это пластмассы, заменяющие лучшую сталь, сказочно прекрасные ткани, покрышки для автомобилей, чудесные ковры и шубки, и корабельные — вечные по прочности — канаты, просто трубы, легкие, нержавеющие, которых хватило бы для проведения водопроводов и канализации во всех городах и селах нашей страны.

Преувеличение? Не думаю! Сколько нефтяных Баку дали месторождения одной только Татарии, а небо там больше тридцати лет кровянится от зарев факелов. Когда прекратится это чудовищное транжирство в давно обжитых районах? Как избежать таких невозвратимых потерь на молодых промыслах Тюмени?

В Нефтеюганске я задала этот вопрос управляющему трестом «Нефтеюганскгазстрой» Ивану Иоанновичу Тригубенко.

— Мы готовимся принять попутный газ с Усть-Балыка на Сургутскую ГРЭС, первый блок которой будет готов в 1972 году, — сказал он. — Когда эта ГРЭС войдет в строй, многие факелы погаснут. Но для того, чтобы использовать весь тюменский попутный газ, надо построить добрый десяток таких станций.

А почему бы не построить? Почему, прежде чем приступить к бурению на площади будущего промысла, югда при подсчете запасов нефть разливается по всей земле, — не подготовиться по-настоящему к сбору и нефти, и газа? Затраты? Но они окупятся стори-

цей. Промедление? Но недаром говорится: поспешишь — людей насмешишь. Хотя, прямо скажем, совсем не до смеха, когда видишь, как жгут нефть в ловушках или упускают ее в реки, а газ сжигают, чтобы уберечься от взрывов и отравлений. Кого винить? Кто должен отвечать? Сколь бы ни богаты мы были, нельзя так хозяйничать! Или сегодняшний рубль дороже завтрашнего червонца?..

По скрипучим деревянным настилам на причале, по дощатым тротуарам торопимся к автобусам. Улицы Сургута — превосходное шоссе из бетонных плит, по обе стороны которого то кварталы новых многоэтажных домов, то потемневшие от времени добротные деревянные домики и избы старого села с палисадниками, где теснятся рябина и черемуха, с широкими по-сибирски дворами и ухоженными огородами. Кое-где красуются среди гряд невысокие пышные кедры, увешанные тяжелыми шишками. Трогательно зеленеют в пришкольных садах, расшитых белыми звездочками ромашек, молоденькие березки — тоненькие, как девочки. А мы едем туда, где строится речной порт, через который скоро пойдет на север мощный поток пассажиров и грузов.

В железобетон заковывается берег Оби: длина причальной стенки восемьсот метров, тут будет переваливаться около 3 миллионов тонн грузов в год. Пассажирская стенка — сто метров, да еще причал ГРЭС на двести пятьдесят метров... Более двадцати кранов-тяжеловесов будут день и ночь разворачиваться на этой линии. Мы ходили по набе-

режной, одетой в серую броню железобетона, удивлялись мощности кранов, размаху работы, гадали о будущем этого большого северного порта, а потом поехали на автобусах осматривать город.

Болота, поросшие чахлым от вечной сырости лесом, подступают к самым окраинам. Странно смотреть на сосновый «бор», деревья которого не выше человеческого роста. Тонкие стволы, реденькая хвоя. Занесло же их на эту мокрую кочковатую землю!

Зато на этой суровой неприветливой земле бурно растет новый город, стремительно раздвигая свои границы, отвоеванные у болотистой тайги: «поселок строителей», «поселок нефтяников», «поселок энергетиков». Но эти поселки представляют собою городские кварталы двух-, трех- и пятиэтажных домов с водопроводами, с центральным отоплением и телевизорами. В каждом таком микрорайоне свои кафе, клубы, магазины, автобусное сообщение.

А вон станция «Орбита», принимающая московские телевизионные передачи от спутника «Молния», проходящего четыре раза в неделю над неоглядными сибирскими просторами.

Едем мимо новых и старых домов, останавливаемся возле сосенок, посаженных вдоль набережной, среди которых стоит памятник сургутским партийцам и комсомольцам, погибшим во время кулацкого мятежа в феврале-мае 1921 года. На обелисках слова: «Первым комсомольцам Сургута от молодежи 60-х годов» и еще: «Они свершили подвиг, нас вырвав из невежества и

тмы». Памятник сделан студентами Львовского университета.

Мы постояли возле него на сухом песке. Ветер с Оби, сверкавшей тысячами солнц, тихо покачивал мягкие лапы задумчивых соsenок. Многим из нас вспомнилась своя неспокойная юность, и, может быть, поэтому приумолкла наша шумная ватага.

Заехали мы и к памятнику погибшим в Великую Отечественную войну. Длинный ряд вертикально поставленных белых плит. Тысяча имен. В центре — строгий обелиск. Помнят сибиряки о своих героях-земляках, polegших за землю Русскую и за неласковый, но любимый Сургутский край. Крепкими корнями вросли они в него. Чего стоит перечень фамилий! Одних Кузнецовых пятнадцать человек, Пельментиковых — шесть, Проводниковых — восемь, Силиных — четырнадцать, Кондаковых — двадцать два. Значит, уходили не только целыми семьями, но и родами.

По деревянному мосту через Сайму, разлившуюся, как озеро, въезжаем в старый Сургут — типичное сибирское село, стоящее на возвышенности. В отличие от заливных соров на лугах, все речушки, впадающие в Обь во время половодья, а потом пересыхающие в своих оврагах, называются саймами.

По бетонной дороге попадаем на площадь Гагарина, где высится городской Дом культуры. Там скверик сосновый, вычищенный и обработанный студентами и местными комсомольцами. Там кафе в стиле модерн, — в каждом микрорайоне они оформлены темати-

чески, чтобы было разнообразие. То и дело встречаются магазины (их в Сургуте до шестидесяти). Вон продовольственный напротив детского сада, все продукты есть, а наценка за дальность доставки за мясо, за сыр всего по 10 копеек на килограмм. Отделка магазина под древнерусский стиль и надпись снаружи: «Сработан на 70-м году XX века строительных дел мастерами 22-й управы на добрую службу всем поселянам града Сургут». И ладья нарисована под красным парусом.

В поселке нефтяников возят торф для удобрения тощей земли в парковой зоне — здесь тоже сохранен соснячок. У нефтяников большое кафе «Орион». Входим, заинтересованные названием. Рельефно выступают стволы берез на четырехгранных колоннах, подпирающих потолок — синее небо со светящимися звездами и месяцем. Даже бассейн есть с фонтаном и эстрада за декоративным леском.

Ну как не вспомнить наши собственные комсомольские годы на новостройках! Не ради умиления, а просто сравнить хочется. У нас такого доброго баловства не было. Жили на севере в бараках, где мох торчал из пазов, а юркие бурундуки и горностаи влезали в каждую щель, хозяйничая на полках. Жили при железных печах, земляных крышах и маленьких окнах, иногда вместо стекол затянутых ситцем. Но молодость, бывшая ключом, находила свою отраду в дружбе, клубной работе, походах по тайге, душевных беседах у костров, открытии новых мест и новых людей.

Страшное прошлое дореволюционной тайги уже представлялось нам в ту пору минувшим кошмаром. Мы радовались тому, что имели, но рвались в будущее, в сегодняшний, тоже наш день, как сегодня рвемся в завтра, и это не дает нам ни черстветь, ни стареть душой.

Подходим к «Орбите». Массивное одноэтажное здание с лестницей, идущей с открытой террасы на плоскую крышу. Наверху высоко поднятая на сложной подставке глубокая круглая чаша антенны, диаметром немного уступающая зданию-фундаменту. Все вместе издали напоминает гигантский грамофон. Это недреманное чудо чутко следит за тем, что делается в эфире, и сразу откликается на позывные спутника, летящего на высоте сорока тысяч метров, поворачивая к нему круглую раковину своего уха.

— Мы принимаем московские передачи со спутника по заданной программе. А здесь релейка работает, которая передает их для нашего телецентра. Нефтеюганск и Нижневартовск смотрят эти передачи через радиорелейные линии,— рассказывал нам работник аппаратного зала, находящегося в цокольном этаже здания.— Дорогостоящее сооружение «Орбиты» было хорошим подарком в год юбилея революции жителям нефтяных районов.

Выходим из здания «Орбиты» с чувством гордости. Космически огромные пространства, где еще столько белых пятен, где медведи и рыси шастают по лесным урочищам, забредая и в хижины одиноких поселков, и вдруг такое диво дивное даже для бурной нашей современности!

И снова едем по городу.

— С жильем у нас туговато, — говорит секретарь райкома Михаил Михайлович Конев, уроженец Ханты-Мансийска, типичный сибиряк, коренастый, зеленоглазый крепыш со слегка вздернутым носом и упрямым выражением обветренного лица. — Поэтому еще много балков и вагончиков, не очень приспособленных для здешних морозов. От этого возникает текучка. Но молодежь едет к нам отовсюду, и те, кто остается, становятся настоящими патриотами Сургута. Вот в 1965 году дороги у нас были совершенно раздавлены тяжелой техникой, и мы оказались в трудном положении — хлеб и скорую помощь возили только на вездеходах, а сейчас уже имеем около шестидесяти километров мостовых с твердым покрытием. У нас 50 строительных организаций, из них два треста. Дом Советов построили отличный, Дома культуры. Строим большой плавательный бассейн, хлебозавод, мясокомбинат с колбасной фабрикой, заводы по оборудованию и ремонту автотехники, чтобы обеспечить среднее Приобье.

Да, тут все нужно, и плавательный бассейн для района с долгой суровой зимой — тоже большое дело.

Коневу тридцать шесть лет. Отец его погиб на фронте в 1943 году. Дед по матери был «башлыком» (бригадиром) рыболовецкой артели. Рыбачили на «песках» у купцов в Самарово. Дед по отцу «колотил лодки» из кедра. А сам Конев полжизни провел на комсомольской и партийной работе в родном Ханты-Мансийском округе.

— Интересная работа. На месте не засидишься,— говорит он с задумчивой улыбкой.— Наряду с нефтью мы с 1966 года начали заниматься сельским хозяйством, чтобы обеспечить продуктами свое население. При каждом нефтепромысловом управлении — совхоз. Теплицы, птичники. Стараемся сделать все возможное, чтобы жилось лучше.

Узнав о нашем желании побывать на строительстве ГРЭС, Конев быстро организует поездку.

И вот мы вместе с начальником ГРЭС Иосифом Наумовичем Каролинским катим в легковой машине по отличнейшей дороге...

Каролинский, закончив институт, работал на Новосибирской ГРЭС сначала прорабом, потом начальником участка перекрытия Оби. Затем на Карагандинской ГРЭС, Джамбульской и вот сюда перебрался.

— Жена прилетела с детьми, посмотрела вокруг и заплакала: «Чего тебе здесь понадобилось? Уеду обратно». А сыновья — их у нас трое, старшему 16 лет — все за меня: мы останемся с папой. Теперь ничего, обошлось, жена работает врачом-стоматологом,— рассказывает Каролинский, весело поблескивая глянцево-черными глазами.— Должно быть, родители заложили в нас это бродяжничество. Отец — заслуженный строитель Казахской республики, работает сейчас директором канала Иртыш — Караганда... А сколько других объектов он построил на своем веку! Вот и мы закончим строительство и — дальше. Ведь жить здесь самим опять не придется. Такая уж профессия! Сургутская ГРЭС будет работать на попутном

газе, поэтому приходится заново решать вопрос насчет оборудования. Раньше попутный газ считался непостоянным источником сырья, но у нас в Тюмени к концу пятилетки его будет столько, что с избытком хватит не на одну ГРЭС. Сейчас мы ведем тут все вспомогательные работы, а потом в один год сделаем главный корпус.

Карликовые сосны на болотах, кедры на гривках, унизанные темно-сизыми шишками — урожай на орехи нынче небывалый, малиновые заросли иван-чая на порубках — все расступается перед смелым росчерком бетонки. Не просто было соорудить ее: вначале по бревенчатым настилам — лежневке, по непролазной грязи шли только трактора да вездеходы.

— Лес мы стараемся сохранить всюду, где можно, — говорил Каролинский, когда мы проезжали мимо расчищенного среди зелени места под главный корпус. — А здесь у нас стройбаза.

Выходим из машины на бетонированную площадь, окруженную длинными корпусами. Пребольшое и очень аккуратное хозяйство.

— Тут будут подсобные мастерские и конторы наших субподрядчиков. Столовая еще не застеклена, но скоро начнет действовать. Все временные здания, на 90 процентов разборные из армопенобетонных плит. Построим ГРЭС — они тут станут не нужны. Разобрал — и перевез туда, где снова потребуется...

Попав в свою стихию, Каролинский с радостью человека, увлеченного делом, старается показать нам все, что тут творится.

— Там у нас плотина,— он показывает на водные зеркала в лесных окнах за стройбазой.— Водохранилище для станции. Но одна эта речка нас не устроит, поэтому тянем еще водопровод с Оби.

— А это что за домики? — спрашиваем, глядя на уютные постройки по углам площадки, срубленные из круглого желтого леса, под серым шифером, с голубыми наличниками окон.

Каролинский вдруг смущается:

— Я не хотел говорить. Это уборные. Понимаете... Окружили меня однажды женщины-строители и жалуются: мучаемся, плохо нам. Ну, я остановил на день все работы, и вот — сделали уборные.

— Так это замечательно! Ведите, посмотрим!

Чистенькие помещения. Паровое отопление, канализация, на полу метлахская плитка. Роскошь для таежных мест? Да нет, необходимая забота о человеке. Именно в этих суровых условиях — первостепенная. А краснеет Каролинский, видимо, потому что получил нарекание за остановку работ. Не привыкли хозяйственники обращать внимание на такие «мелочи» быта. Мне приходилось видеть в Сибири новые школы, не отличающиеся от столичных, но без уборных, и бегают детишки в любую погоду по своим делам в холодные сарайчики, поставленные в стороне от школ метров на сто.

Что важнее? Что нужнее? Вспомнился разговор о моем старом знакомом Пикмане Григории Ильиче, управляющем трестом «Мегионгазстрой», как он, приостановив

постройку пекарни, «отгрохал» танцплощадку в Нижневартовске. Об этом рассказывают, смеясь, а наверное, крепко проработали Григория Ильича! Но как же быть, если население этого города — сплошная молодежь? Была бы там бетонка, как в Сургуте, плясали бы на бетоне.

— Много у нас хороших людей,— сказал секретарь парторганизации ГРЭС инженер Михаил Алантьев.— Есть такие, которые приехали только построить станцию, но создаются и постоянные кадры. Жильем еще не все обеспечены по-настоящему, зато заработки большие: штукатур шестого разряда зарабатывает до 400 рублей в месяц, слесарь шестого разряда — 350 рублей, шоферы — от 300 до 600 рублей.

У Алантьева тонкое, немножко лукавое лицо. Он легкий, подвижный, и сразу видно, что, как и Каролинский, «въелся» в строительство ГРЭС. У него тоже солидная строительная биография: три года на Томь-Усинской ГРЭС под Новосибирском, потом Ириклинская ГЭС севернее Орска. В этом году там введут в действие первый блок, а ГЭС закроют. Такое сообщение радует: электроэнергии Ириклинская ГЭС дает мало, а ее водохранилище при знойном лете Оренбуржья — одна сухота для реки Урала. Ниже плотины, особенно в устье, он обмелел так, что рыбам негде укладываться на зимовку.

— Я хотел бы показать вам и то, как живут наши рабочие,— предлагает Каролинский.

— Обязательно посмотрим.— Я вспоминаю промелькнувшие перед нами в черте города «голубятники», покрытые толем.

— Что там у вас? Нахаловка?

— Это не у нас. И это не «нахаловка», а Таратыновка. Живут нефтяники.

Мы смеемся. Очень любопытное название. А откуда оно взялось?

— Был начальником нефтепромыслового управления Таратынов. При нем возник этот «микрорайон». Ну и назвали его именем.

Но что же делать, когда негде жить? Ведь люди в тайгу приезжают на голое место, а в таких «голубятниках» теплее, чем в палаточных «ситцевых городах», которые я отлично помню по Алдану и Колыме.

— У нас тоже есть своя Таратыновка,— перебивает мои размышления Алантьев.— Но наш министр Петр Степанович Непорожний по-иному решает вопрос временного жилья: домики собираются из двух половин по размеру вагона. Там все, вплоть до мебели. На крышах железные скобы, чтобы снимать краном с железнодорожных платформ на баржи. На месте дом устанавливается за полдня. Отопление змеевиком — паровое. 40 квадратных метров на семью в пять человек. Даже верандочки готовые. Зимой, правда, при морозе в 58 градусов бывает в них холодно. И мы даем в них центральное отопление от общей котельной.

Поселок ГРЭС из сотни таких весело окрашенных домов, со столовой на 40 мест, собранной из шести половинок, напоминает дачный. Невысокие сосны, сохраненные от порубок в виде скверов, еще усиливают это впечатление.

Заезжаем в новый жилой район ГРЭС. Трехэтажная школа на девятьсот человек,

благоустроенное общежитие для холостых в пятиэтажном доме, такое же для девушек. Строительство тут идет вовсю, хотя выросло уже немало домов на 120 квартир каждый.

Гордость ГРЭС — ее постоянные кадры. Верхолазы, монтажники, сварщики, слесари работают не щадя сил, не страшась ни летней жары и комаров, ни зимних морозов. Все грэсовцы хорошо понимают, какое значение имеет их новостройка в Сургуте, как важно погасить факелы, на которых зря сгорает народное богатство. Их богатство.

Еще одно выступление перед сургутскими читателями — и мы вылетаем обратно в Тюмень.

Близ Сургута Обь разделяется на главную и Юганскую, по которой мы прошли сюда из Ханты-Мансийска. Ширина разливов во время весенне-летнего половодья достигает в этих местах тоже нескольких десятков километров. К нашему приезду в Сургут большая вода уже сошла, но вид с самолета был фантастический, когда ослепительно блестящий на солнце разлив вздыбился, встал, как огромное зеркало, заслоняя небо, и, казалось, скатывались с него, скользя, острова, покрытые зеленой тайгой. Но... самолет качнул крыльями, повернулся, набирая высоту, и водное зеркало опрокинулось, разбилось на тысячи сверкающих, голубых кусков. Под нами поплыла земля, разорванная зигзагами проток, испятнанная бурой желтизной болот, покрытая бесчисленным множеством озер,

словно твердь еще не отделена от воды, как при сотворении мира.

Через пойму Оби возле Сургута сооружается труднейший участок железной дороги на Тобольск.

На что опирается стальное полотно этого участка, на чем держится среди водных хлябей и зыбких трясин? На сваях или намывном, как у плотин, грунте, или на неслыханной твердости человеческих характеров? Комсомольских характеров!

Сегодня в Тюмени заключительный вечер декады. А завтра — Москва. Прошло только десять дней с тех пор, как мы вылетели со Внуковского аэродрома. Но сколько впечатлений, драгоценных для писателя, пробуждающих желание снова побывать на Иртыше, на Оби, побывать в тайге у разведчиков, лесорубов, нефтяников! Какое чувство гордости за наших людей, за нашу великую необъятную землю и какие новые заботы и тревоги, без которых нельзя жить!

▲▲▲

7-3-2

34—72

Коптяева Антонина
Дмитриевна

ПО СЛЕДАМ ЕРМАКА

Редактор В. Клепиков
Художник А. Туманов
Художественный
редактор Б. Тюфяков
Технический редактор
Т. Меньщикова
Корректоры М. Казан-
цева, А. Рычкова

Сдано в набор 1/IX
1971 г. Подписано в
печать 10/XII 1971 г.
НС 45012. Бумага ти-
пографская № 1. Фор-
мат 70×90¹/₃₂. Усл. печ.
л. 3,8. Уч.-изд. л. 3,7.
Тираж 50000. Заказ
473. Цена 13 коп.

Средне-Уральское
книжное издательство,
Свердловск,
Малышева, 24.
Типография изд-ва
«Уральский рабочий»,
Свердловск,
пр. Ленина, 49.

13 коп.

СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
СВЕРДЛОВСК, 1972